

Владимир Войнович

ТРЕБУНАЛ

Vladimir Voinovich

THE TRIBUNAL

A comedy in three acts

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1985**

Владимир Войнович

ТРИБУНАЛ

Судебная комедия в трех действиях

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1985**

Vladimir Voinovich: TRIBUNAL

A comedy in three acts

First Russian edition published in 1985

by Overseas Publications Interchange Ltd

8, Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

Copyright © Vladimir Voinovich

Copyright © Russian edition Overseas Publication Interchange Ltd

All rights reserved

**No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.**

ISBN 0 903868 42 3

Cover design by Andrzej Krauze

**Радиопостановка пьесы «Трибунал» передавалась
по русской службе Би-Би-Си 24 декабря 1984 года.**

Режиссер постановки: Зиновий Зиник,

режиссер передачи: Франк Уильямс.

Printed in West Germany by Polyglott-Druck

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Подоплеков Семен

Подоплекова Лариса

Председатель

Прокурор

Защитник

Секретарь

Первый заседатель

Второй заседатель

Бард

Горелкин

Терехин

Зеленая

Автоматчики и два клоуна, которые поочередно исполняют роли:

Рабочего сцены

Человека с приемником

Зрителя

Поэта

Писателя

Ученого

Милиционера Юрченко

Наседку

санитаров

демонстрантов

иностранных корреспондентов

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Что-то вроде пролога

Посреди сцены длинный высокий стол, покрытый красным сукном. За ним три стула с высокими спинками. Еще три маленьких столика: один перед большим столом, на авансцене, два по бокам. В глубине сцены статуя Фемиды. Глаза у нее завязаны, в одной руке автомат Калашникова, в другой весы, на одной чаше которых лежит молот, на другой – серп. Слева от Фемиды – клетка, в каких держат зверей, а в клетке скамья подсудимых. В верхней части сцены портреты каких-то шестерых людей, нам пока незнакомых.

На сцену выходит Бард с гитарой. Говорит тихим, домашним, совершенно не театральным голосом, в промежутке между фразами настраивая гитару.

БАРД. Кажется, они еще не готовы. Я имею в виду исполнителей. У них даже еще, по-моему, и окончательный текст не доработан. Что-то там (показывает пальцем на потолок) еще

утрясают. Да и председатель, кажется, не совсем в порядке. Возраст, стеноз, склероз, аденома, но врачи борются за его здоровье. Ну, ладно. Я вам пока что-нибудь спою. *(Поет.)*

Течет река издалека,
Все ширясь и полнея.
Течет река, и облака
Качаются над нею...

Во время пения где-то, сначала далеко, а потом все ближе, ближе слышатся прерывистые и тревожные звуки сирены то ли скорой помощи, то ли милиции, то ли правительственной машины. По мере того, как звуки усиливаются, Бард поет все громче и громче, стараясь их перекричать.

Над ней то солнце припечет,
То вьюга зарыдает.
Вот так и жизнь моя течет,
В конце в ничто впадая.

БАРД *(прекращает петь)*. Нет, это невозможно. *(Помолчав.)* Не понимаю, зачем это нужно. *(Имитирует вой сирены.)* У-у-у-у! Когда я слышу этот звук, мне хочется сразу поднять руки вверх. Я понимаю, было бы что-то срочное, а то так. Нет, я не критикан и не борец. Я вообще, если хотите знать, принципиально против всякой борьбы. Потому что никакая борьба еще ни к чему хорошему не приводила. *(Напевает.)* Вы жертвою пали в борьбе роковой... Сколько их пало в борьбе роковой! Они обещали нам небо в алмазах, а мы его в овчинку увидели. Мир нельзя переделать в короткий срок. И не надо никакой борьбы, никаких жертв. Вам за них все равно никто спасибо не скажет. Поэтому надо заниматься своим делом и ничем больше.

Между тем звук сирены катастрофически нарастает. Свет в зале и на сцене гаснет. Звук сирены смешивается с шумом несущихся с огромной скоростью автомобилей. По сцене слева направо проносятся синие мигалки, в результате чего возникает ощущение, что кортеж автомобилей пересекает сцену. Внезапно мигалки гаснут, исчезают все звуки. Несколько мгновений в зале и на сцене полная темнота и тишина. Затем вспыхивает свет, и одновременно на сцене, во всех проходах и у дверей появляются автоматчики, которые направляют оружие на зрителей.

На сцену в темном строгом костюме выходит Секретарь. Деловой походкой подходит он к краю сцены и пристально всматривается в публику, как бы пытаясь определить, нет ли среди зрителей возможных злоумышленников. Не разрешив до конца своих сомнений, тихо уходит за кулисы. В репродукторах раздается шум бурных оваций, и на сцену гуськом выходят Председатель, два заседателя, Прокурор, Защитник и Секретарь. Это их портреты висят над сценой. Все они, кроме Секретаря, гораздо старше своих изображений, точнее, вообще очень старые люди. Держась весьма сановито, они при этом старчески шаркают ногами, а Председатель еще трясет головой. Как бы отвечая на аплодисменты восторженной публики, они на ходу хлопают в ладоши. Из их ушей свисают провода слуховых аппаратов. Занимают места: Председатель — в центре, заседатели — по бокам, Прокурор за маленьким столом слева, Защитник — справа и Секретарь — посередине. Молча раскладывают бумаги, иногда перешептываясь. Публика ждет. Наконец, женщина в первом ряду не выдерживает и обращается к сидящему рядом с ней мужчине (это чета Подоплековых).

ЛАРИСА. Сеня, я не понимаю, что здесь происходит! Почему здесь так много вооруженных людей?

ПОДОПЛЕКОВ. Успокойся, Лара. Что ты нервничаешь? Это же спектакль.

ЛАРИСА. Я понимаю, что спектакль, но почему так много вооруженных людей?

ПОДОПЛЕКОВ. Я не знаю почему. Наверное, так нужно. У них, вероятно, какие-нибудь такие роли. Ты разве никогда не видела на сцене вооруженных людей?

ЛАРИСА. Я видела. Но если это настоящий спектакль, то исполнители должны о чем-нибудь говорить, а эти вышли и молчат.

ПОДОПЛЕКОВ. Ну и что что молчат? Возможно, у них такие вот молчаливые роли. Мне кажется, они изображают какое-то важное заседание. *(Обращаясь к Председателю.)* Товарищ артист, вы не скажете, какую вы роль исполняете?

На сцене происходит некоторое замешательство. Председатель переглядывается с заседателями, те пожимают плечами. К Председателю подбегает Секретарь и, взяв в руки конец торчащего из председательского уха провода, что-то быстро шепчет в него, как в микрофон.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А-а, роль. *(Подоплекову.)* Я исполняю роль председателя трибунала.

ПОДОПЛЕКОВ *(Ларисе)*. Ну вот видишь, я тебе говорил, что это спектакль. А товарищ играет роль председателя, как бы сказать, трибунала. *(Председателю.)* И что? И вы, очевидно, собираетесь как бы кого-то судить?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Конечно. И даже не как бы, а просто судить. Раз есть трибунал, значит, он должен кого-то судить.

ПОДОПЛЕКОВ *(Ларисе)*. Вот видишь. Я же тебе говорил. Интересная, я бы сказал, завязка. Раз есть, так сказать, трибунал, значит, он должен кого-то судить. *(Председателю.)* Это, примерно, как у Чехова, правильно? Если на сцене висит ружье, значит оно непременно должно как-нибудь выстрелить. *(Смеется.)*

ПРОКУРОР *(оживляясь)*. Еще как выстрелит! Еще ды-ды-ды, как выстрелит. Получше, чем у Чехова, выстрелит!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(знаком остановив Прокурора, Подоплекову)*. А вы Чехова сами читали или вам кто-то рассказывал?

ПОДОПЛЕКОВ. Чехова? Ну конечно же, сам читал. Все-таки я человек с высшим, как бы сказать, образованием. Быва-

ют, конечно, люди с дипломами, которые ничего не читают, но я всегда что-нибудь читаю. У меня и библиотека есть в общем даже совсем неплохая. Правда, теперь книги стало доставать очень трудно. Бумажный, так сказать, голод, и в магазинах одна только дрянь.

ЛАРИСА. Сеня, зачем ты так? Ты даже не знаешь этих людей, а такие слова говоришь.

ПОДОПЛЕКОВ. А что я говорю? Я ничего такого не говорю. Я говорю только, что купить нечего. Придешь в магазин, а там какие-нибудь речи, пропаганда, материалы съезда, опыт колхозного строительства. А какое-нибудь, так сказать, произведение иностранного, допустим, писателя вовсе даже и не достанешь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А вы и иностранной литературой интересуетесь?

ПОДОПЛЕКОВ. Ну конечно, интересуюсь. Я все-таки, слава Богу, человек интеллигентный и любознательный.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слава Богу? Так вы еще и верующий?

ПОДОПЛЕКОВ. Я? Да как вам сказать... Вообще-то я не крещеный. Мой отец, правда, хотел меня в детстве крестить, но побоялся, потому что был коммунист. Мы жили в маленьком таком, знаете, городе, там всего одна церковь была, ну и если бы кто заметил, могли бы большие быть неприятности по партийной, допустим, линии. Но все-таки когда я о том о сем думаю, как оно все так получилось, то в голову невольно что-то закрадывается. Трудно, знаете, как-то представить, чтобы все это, ну, я имею в виду люди, коровы, собаки, ну и всякие другие звери, лягушки и насекомые сами по себе так вот, ну как бы из пыли, возникли. Я думаю, там, может быть, какой-то такой вроде как высший разум все-таки есть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Думаете все-таки, что-то такое есть?

ПОДОПЛЕКОВ. Ну не то, чтобы я так действительно думал, но иногда время от времени какие-то, что ли, сомнения возникают.

ПРОКУРОР *(дергаясь)*. Ды-ды-ды!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы что-то хотели сказать?

ПРОКУРОР. Да, я хотел вопрос задать гражданину. Скажите, вот вы говорите, ваш отец член партии. А вы — нет?

ПОДОПЛЕКОВ. Нет.

ПРОКУРОР. А почему? Вам что, партия наша не нравится?

ПОДОПЛЕКОВ (*поспешно*). Ну почему же? Почему же не нравится? Партия у нас хорошая, и я ее политику целиком и полностью одобряю. И насчет вступления я, конечно, тоже не против, потому что хочется как-то, знаете, продвигаться по службе, расти как-то нужно... Я не в физическом смысле, тут уже просто генетика, у меня мама и папа оба были роста вроде как ниже среднего... А в служебном отношении без партии никуда. Но у нас сейчас такой порядок ввели, что толкают в партию сначала рабочий класс. На трех рабочих берут одного ИТР. А у нас в отделе всего три рабочих: слесарь, сторож и истопник. Причем, что интересно заметить, слесарь чистый, как бы сказать, алкаш, истопник только что вышел из заключения, а сторож баптист, он в партию по религиозным убеждениям не вступает. Приходится стоять, так сказать, в очереди. Я, между прочим, сейчас в трех... нет, в четырех очередях состою: на квартиру, на „Запорожец“, на югославский ковер и в партию.

ПРОКУРОР. И вы думаете, это возможно совместить — ваше желание вступить в партию с вашими религиозными взглядами?

ПОДОПЛЕКОВ. Да какие там у меня взгляды! Это у сторожа взгляды, а я просто думаю, что, может, есть что-то недоступное нашему пониманию, а если нет, так нет. Мне это, собственно говоря, безразлично. Но вы извините, я вас, вероятно, задерживаю. А вы кого, собственно, судить собираетесь?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что? Кого судить? Нам все равно кого. Ну, допустим, вас.

СЕКРЕТАРЬ. Да, допустим, вас.

ПОДОПЛЕКОВ. Меня? (*Смеется.*) А почему меня?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А почему не вас?

СЕКРЕТАРЬ. Вот именно. А почему не вас?

ПОДОПЛЕКОВ. Потому что меня вроде не за что. Я такой это, так сказать, самый простой человек, инженер. Хожу на

работу, смотрю по телевизору хоккей, фигурное катание, программу „Время”, а ничего такого как будто не совершал. *(Садится на место.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Всякий человек, который живет, что-нибудь совершает.

СЕКРЕТАРЬ. Точно. Всякий человек, который живет, что-нибудь совершает. А который не живет, тот ничего не совершает.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну, что же вы сели? Поднимайтесь сюда.

СЕКРЕТАРЬ. И не стесняйтесь.

ПОДОПЛЕКОВ *(встает, смущается)*. Я? Да ну что вы! *(Смеется.)* Я перед публикой выступать не умею. Все-таки, как бы сказать, не артист.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну, почему же не артист? Вы артист. Поднимайтесь, поднимайтесь!

ПОДОПЛЕКОВ *(смущаясь еще больше)*. Да что вы! Да, какой уж из меня артист! Если вам нужен из зрителей какой-нибудь такой ассистент, вы уж, как бы сказать, пригласите кого-то другого. Потому что я перед публикой просто теряюсь. Я даже, когда меня на каком-нибудь таком, ну, скажем, на собрании даже вот просят выступить в поддержку чего-нибудь, скажем, такого, я и то выйду и совершенно молчу. *(Спохватившись.)* Ну вы начинайте, начинайте. *(Садится.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(переглянувшись с заседателями, смеется)*. Чудак-человек! Да как же мы можем без вас начинать? Мы же трибунал. Нам нужен подсудимый. Ведь суд без подсудимого, это все равно что свадьба без жениха. Поднимайтесь, поднимайтесь!

СЕКРЕТАРЬ. Только осторожней, не споткнитесь о ступеньку. А то можно очень сильно ушибиться.

ПОДОПЛЕКОВ *(вскакивает)*. Ну, мне это в конце концов надоело. Я думал, вы шутите. А вы из меня хотите какого-то, понимаете, клоуна сделать. А я вам вовсе не клоун. Вы выступаете, вот и выступайте, а я буду смотреть. А если что, и вообще уйду и потребую у администратора, пусть мне даже деньги за билет вернут. *(Жене.)* Пойдем, Лара! Я даже и

вовсе этот спектакль смотреть не хочу, довольно, я бы сказал, дурацкий.

ПРОКУРОР. Ды-ды-ды-ды!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*прокурору*). Что? Что?

ПРОКУРОР (*волнуясь, встает*). Товарищ председатель, я вот смотрю на то, что происходит, и думаю: а не слишком ли мы гуманны?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да конечно, гуманны, а как же.

ПРОКУРОР. Слишком даже гуманны. Но наш гуманизм не какой-то абстрактный. Наш гуманизм носит боевой, классовый, наступательный, я бы сказал, характер. А здесь что происходит? Вы просите его по-хорошему, а он издевается, нас задерживает, публику задерживает. А публика ждет.

ПОДОПЛЕКОВ. Вот именно, что публика ждет. Публика ждет от вас гражданских и реалистических произведений, а вы какой-то чушью занимаетесь. Модерн какой-то придумали. Театр, понимаете ли, абсурда. Глупость такую придумали — зрителей на сцену таскать. Да я такую мерзость и смотреть не желаю.

ЛАРИСА. Я же тебе говорила, не надо ходить на всякую современную чепуху.

ПОДОПЛЕКОВ. Ну, откуда же я знал, что чепуха. Я думал, раз такое название, так значит детектив какой-нибудь про бандитов или про чекистов. Пойдем отсюда, ну их!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я вам последний раз приказываю: поднимитесь сюда или я прикажу вас доставить силой.

ПОДОПЛЕКОВ (*пробираясь к выходу*). Как же, прикажешь. Приказальщик тоже нашелся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*милиционерам*). Доставьте его сюда!

Трель милицейских свистков. Горелкин и Юрченко спрыгивают со сцены, перегораживают Подоплекову дорогу. Завязывается борьба.

ПОДОПЛЕКОВ (*сопротивляясь*). Только без рук! Я буду жаловаться! Помогите! Люди, куда же вы смотрите? Что же вы молчите? Разве вы не видите, что здесь происходит? Лара!

ЛАРИСА. Сеня!

ПРОКУРОР. Товарищ председатель, прошу заметить, он ударил милиционера. Он его убил!

ПЕРВЫЙ ЗАСЕДАТЕЛЬ. Он убил милиционера!

ВТОРОЙ ЗАСЕДАТЕЛЬ. Убил милиционера!

ЗАЩИТНИК. Ну, зачем же сразу убил? Милиционер еще жив, он еще сопротивляется.

2

Горелкин и Юрченко доставляют Подоплекова с завернутыми за спину руками на сцену и тут же начинают обыскивать. Стаскивают пиджак, выворачивают карманы, раздирают подкладку. Выворачивают карманы брюк, вытаскивают ремень, спарывают пуговицы. Снимают ботинки, вытаскивают из них шнурки.

ГОРЕЛКИН (*составляя протокол, перечисляет изъятые при обыске предметы*). Паспорт общегражданский, выданный на имя Подоплекова Семена Владиленовича — один. Профсоюзный билет один. Театральные билеты — два. Справка о сдаче макулатуры — одна. Сигареты „Прима“, спички, расческа сломанная одна, носовой платок грязный один, нож перочинный — один.

ПРОКУРОР (*вскидываясь*). Зачем так длинно писать: нож перочинный? Напишите просто: „нож“.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А что это у вас, Горелкин, под глазом?

ГОРЕЛКИН. Разрешите доложить, товарищ председатель, это синяк, полученный во время задержания арестованного.

ПРОКУРОР. Я полагаю, товарищ председатель, что Горелкина надо немедленно отправить для медицинского освидетельствования и выяснить, насколько опасны для здоровья полученные им повреждения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, хорошо, согласен. Приобщите протокол обыска к делу, водворите арестованного на скамью подсудимых и доставьте Горелкина в медицинское уч-

реждение. Пусть наши специалисты окажут ему необходимую помощь. *(Засыпает.)*

Милиционеры отводят Подоплекова в клетку, после чего Горелкин, прикрывая рукой подбитый глаз, удаляется, а Юрченко с автоматом наизготовку занимает место у клетки. Подоплеков садится на скамью подсудимых, успокаивается и деловито оглядывает свою поврежденную при обыске одежду. Все выжидательно смотрят на Председателя, но он дремлет. Секретарь тихо подходит к Председателю и очень осторожно его тормозит.

СЕКРЕТАРЬ. Товарищ Председатель! Товарищ Председатель!
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(спросонья).* А! Что? Ты кто такой?

СЕКРЕТАРЬ. Секретарь, товарищ председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что за ерунда. Почему это ты товарищ председатель? Это я — товарищ председатель.

СЕКРЕТАРЬ. Окэй, окэй, вы товарищ председатель. А я секретарь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А, ну это дело другое. Что делать надо?

СЕКРЕТАРЬ. Судить надо. Подсудимый к допросу готов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый? *(Указывает на прокурора.)*

Этот, что ли?

ПРОКУРОР *(оскорбленно).* Ды-ды-ды!

СЕКРЕТАРЬ. Нет, товарищ председатель. Это прокурор. А подсудимый этот.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А, да, как же, помню. Это который Чехова из ружья застрелил?

ПРОКУРОР. Товарищ председатель, не Чехова, а милиционера.

ЗАЩИТНИК. Товарищ председатель, я протестую против искажения фактов. Он милиционера не застрелил, а только ударил.

ПРОКУРОР. Какая разница, застрелил или ударил? Важно, что милиционер получил тяжелые повреждения, в критическом состоянии доставлен в больницу и врачи борются за его жизнь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прекратите базар! *(Встряхнувшись, Подоплекову.)* Подсудимый, ваше имя, отчество и фамилия?

ПОДОПЛЕКОВ. Вы ко мне, что ли, обращаетесь?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Конечно, к вам.

ПОДОПЛЕКОВ. А, может быть, я не признаю себя подсудимым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А это неважно, кем вы себя признаете. Важно, кем мы вас признаем.

СЕКРЕТАРЬ. Вот именно. Мало ли кто кем себя признает! Важно, кем мы вас признаем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый, когда к вам обращаются, надо вставать.

ПОДОПЛЕКОВ (*поднимаясь*). Ну, хорошо, я могу и постоять.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Назовите ваше имя, отчество и фамилию.

ПОДОПЛЕКОВ. Ну, допустим, Подоплеков Семен Владиленинович.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кем работали до ареста?

ПОДОПЛЕКОВ. До незаконного задержания работал инженером в научно-исследовательском институте железобетонных конструкций.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Национальность?

ПОДОПЛЕКОВ. Русский.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Семейное положение?

ПОДОПЛЕКОВ. Женат. Имею двоих детей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. К судебной ответственности прежде привлекались?

ПОДОПЛЕКОВ. Не привлекался.

3

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*встает и вместе с ним встают все участники спектакля*). Судебное заседание объявляю открытым. Всех находящихся в зале предупреждаю, что вы обязаны вести себя тихо, дисциплинированно. Во время заседания должна соблюдаться тишина. Покидать свои места, передвигаться по залу, выходить из зала категорически запре-

щено. Запрещено разговаривать, смеяться, обмениваться записками, подавать какие бы то ни было сигналы подсудимому, свидетелям или членам трибунала, пользоваться карандашами, ручками, блокнотами. Абсолютно не допускается использование звукозаписывающих приборов, фотоаппаратов и биноклей. В случае обнаружения подобной техники, она будет немедленно конфискована, а владельцы ее понесут суровое наказание. Надеюсь, это предупреждение всем понятно и в процессе заседания никаких недоразумений не будет. *(Пауза, во время которой Секретарь подает Председателю бумаги. Председатель достает из кармана очки и надевает их поверх тех, которые уже на нем.)* Зачитывается обвинительное заключение по делу Подоплекова Семена Владиленовича, русского, женатого, имеющего двух детей, беспартийного, ранее не судимого. Подоплеков обвиняется в том, что сего дня *(указывается действительная дата, когда играется спектакль)*, явившись в театр, где происходило заседание специального трибунала, вел себя вызывающе, высказывал отрицательные суждения о нашей книжной торговле, предпочитая политической литературе произведения буржуазных авторов, вел религиозную пропаганду, распространял клеветнические измышления по поводу нашей судебной системы и произносил угрозы, упоминая о каком-то ружье, которое якобы непременно должно выстрелить. Будучи привлечен к ответственности, отказался прибыть к месту совершения правосудия, не подчинялся требованию Председателя трибунала, называя данное заседание чушью, абсурдом, дурацким спектаклем, мерзостью...

ПОДОПЛЕКОВ. Да это какой-то бред!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. ...бредом...

ПОДОПЛЕКОВ. Идиотизм!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. ...идиотизмом. При задержании оказал сопротивление представителям власти, в результате чего милиционер Горелкин получил увечья и доставлен в больницу, где врачи борются за его жизнь. Все эти деяния предусмотрены уголовным кодексом и содержат в себе признаки таких преступлений, как распространение заведомо ложных и зло-

стных измышлений с целью подрыва нашей системы, оскорбление и неподчинение власти с попыткой совершения террористического акта... *(засыпая)*. Террористы... *(Спохватывается.)* Вы признаете себя виновным в предъявленных вам обвинениях?

ПОДОПЛЕКОВ. Конечно, нет.

ПРОКУРОР. Ды-ды-ды!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый, как председатель данного трибунала я должен вам разъяснить, что чистосердечное признание совершенных вами преступлений и искреннее раскаяние может облегчить вашу участь.

ПОДОПЛЕКОВ. Но я не понимаю, в чем я должен признаться!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Почему же вы не понимаете? Вы же не можете сказать, что обвинения вымышлены.

ПОДОПЛЕКОВ. Вот именно, что вымышлены.

ПРОКУРОР. Ды-ды-ды.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Напрасно вы так говорите. С практикой вымышляемых обвинений мы давно покончили. Мы предъявляем обвинения только в действительно совершенных преступлениях. Ну, посудите сами, разве не вы высказывались отрицательно о нашей книжной торговле? Разве не вы говорили о возможности существования высшего, как вы сами выразились, разума? Разве не вы оскорбляли суд и оказали упорное сопротивление власти?

ПРОКУРОР. В результате которого милиционер Горелкин получил тяжелые повреждения, находится в критическом состоянии и врачи борются за его жизнь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У Горелкина, кажется, есть дети?

ПРОКУРОР. Да, да, у него очень много детей.

ЗАЩИТНИК. Насколько мне известно, милиционер Горелкин бездетный.

ПРОКУРОР. Тем хуже. У него могло быть много детей, а теперь он умрет и не останется никого.

ПОДОПЛЕКОВ. Вы все врете! Что я мог ему сделать? Он такой здоровый, а я маленький. Я ему только пуговицу оторвал.

ПРОКУРОР. Между прочим, это тоже немалое преступление. Оскорбление мундира.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*прокурору*). А что, мы не можем допросить этого Горелкина?

ПРОКУРОР. Я думаю, что можем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, но он же в тяжелом состоянии.

ПРОКУРОР. Да, да, он в тяжелом состоянии и врачи борются за его жизнь, но надо же и им отдохнуть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Для допроса вызывается свидетель Горелкин.

ГОЛОС ГОРЕЛКИНА. Я здесь.

4

Два санитаря вносят на носилках Горелкина с перевязанной головой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Горелкин, вы, я вижу, находитесь в очень тяжелом состоянии.

ГОРЕЛКИН. В очень, очень тяжелом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы можете ответить на несколько вопросов?

ГОРЕЛКИН. Мне очень трудно, но я постараюсь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Постарайтесь, Горелкин, а руководство вашего отделения, я уверен, учтет ваш подвиг. (*Помолчав.*) Скажите, вам знаком подсудимый?

ГОРЕЛКИН (*приподнявшись на локте, взглядывается в Подолекова*). Так точно, знаком.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что вы можете сказать по данному делу?

ГОРЕЛКИН. Значит, дело было так. Находясь в данном театре на дежурстве, я был предупрежден, что ввиду важного юридически-политического мероприятия здесь возможны провокации со стороны неустойчивых элементов и других групп враждебного населения. А майор Коротышев прямо сказал, что провокация не только возможна, а даже непре-

менно будет ввиду неизбежного характера данного спектакля. И одному из вас, говорит, то ли тебе, Горелкин, то ли тебе, Юрченко, будет заехано в физиономию, и этот заезд необходимо будет использовать в борьбе с нашими идейными противниками. Я, конечно, надеялся, что заехано будет Юрченке, а не мне, но все же подготовился и, пришедши сюда, стоял вон там, когда мне было сказано, что вот этот человек, который с женой своей громко разговаривает, его как раз будем брать и, возможно, он, значит, этот заезд совершит. Ну, так оно впоследствии и получилось. Когда мы его вежливо пригласили на сцену, он стал произносить всякие слова, кусаться и махать кулаками, в результате чего я имею под глазом синяк и, возможно, даже сотрясение мозга.

ЗАЩИТНИК. А как вы думаете, действия Подошлекова носили заранее обдуманый характер или были совершены в порядке самообороны?

ГОРЕЛКИН. Поскольку я заранее был предупрежден о возможном нападении, то я думаю, что и нападатель знал о своих планах заранее.

ПРОКУРОР. Правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, свидетель, вы можете идти.

ГОРЕЛКИН. А, спасибо, спасибо. *(Вскакивает с носилок и порывается убежать.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель, куда вы?

ГОРЕЛКИН. Но вы же сказали, что я могу идти.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но я же не в буквальном смысле сказал. Я сказал в том смысле, что вы свободны. Но в буквальном смысле вам ходить еще, наверно, нельзя.

ПРОКУРОР. Тем более, что врачи еще борются за вашу жизнь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы лежите, лежите, а наши специалисты сейчас вас бережно отнесут.

ГОРЕЛКИН. А, спасибо, спасибо. *(Ложится на носилки, его уносят.)*

ЗАЩИТНИК. Товарищ председатель, мне кажется, свидетель был не в критическом состоянии, раз он может ходить.

ПРОКУРОР. Товарищ председатель, я протестую. Свидетель ходить не может.

ЗАЩИТНИК. Но он же сейчас сделал несколько шагов.

ПРОКУРОР. Мало ли кто чего сделал. А, может, он был в горячке. Так бывает. Я сам помню, голову кому-нибудь бывало прострелишь, ну даже совершенно насквозь, так он сначала вроде как упадет, а потом вскакивает и бежит, как курица, знаете, без головы. *(Смеется.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну, зачем вспоминать такие тяжелые вещи. Конечно, на фронте всем приходилось сражаться и даже убивать врагов.

ПРОКУРОР. Особенно врагов народа. У нас в СМЕРШе с ними не чикались, у нас этого гнилого либерализма не было. Бывало выстроишь их в ряд и ды-ды-ды-ды!..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну ладно, ладно, не надо вспоминать такие тяжелые вещи. Что было, то прошло, и хватит, с этим покончено навсегда.

ПРОКУРОР. А почему же не вспоминать? Это была наша боевая молодость, романтика сражений, переключка умов, переключка идей, переключка сердец...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хватит, хватит, хватит. Конечно, было много хорошего, но были и отдельные нарушения законности, с которыми покончено навсегда.

ПРОКУРОР. Вот оно и видно, что покончено. И развели либерализм, гуманизм такой, что каждый, кому не лень, выходит на сцену и что хочет, то говорит.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А я говорю, хватит об этом. У вас есть вопросы к подсудимому?

ПРОКУРОР. Есть. Скажите, обвиняемый, каким образом вам удалось проникнуть в это помещение?

ПОДОПЛЕКОВ. Что значит проникнуть? Я не проник, а прошел, как все, через дверь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(мягко)*. Подсудимый, не надо говорить за всех. Нас сейчас интересуют не все, а только вы.

ПОДОПЛЕКОВ. А я говорю, что прошел сюда, как все, по билету.

ПРОКУРОР. А кто вас снабдил билетом?

ПОДОПЛЕКОВ. Меня никто не снабжал, я купил два билета за свои собственные деньги.

ПРОКУРОР. Где купили?

ПОДОПЛЕКОВ. У нашего культорга Зеленой. Она тоже здесь находится, если вы мне не верите, можете спросить у нее.

ПРОКУРОР. Еще спросим. И когда же вы приобрели у нее эти билеты?

ПОДОПЛЕКОВ. Недели две тому назад.

ПРОКУРОР. То есть заблаговременно?

ПОДОПЛЕКОВ. Я не понимаю, к чему вы клоните.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый, вам не надо ничего понимать. Вам надо только отвечать на вопросы.

ПРОКУРОР. А что же у этой вашей Зеленой были билеты только сюда или еще куда-нибудь?

ПОДОПЛЕКОВ. Я не знаю. У нее бывают билеты на разные мероприятия. В другие театры, в кино, иногда в Лужники или на какие-то выставки.

ПРОКУРОР. Но вы из всех возможностей выбрали только эту? Почему?

ПОДОПЛЕКОВ. Потому что Зеленая мне сказала, что есть такая пьеса, называется „Трибунал“, я подумал, что может быть что-то интересное, а если бы я знал, что такая дурь и что со мной такое будут вытворять, разве бы я пошел?

ПРОКУРОР. Еще бы! Каждый преступник, совершая преступление, рассчитывает избежать наказания. Если бы он знал, что наказание неотвратимо, с преступностью, для которой у нас нет никакой социальной почвы, ды-ды-ды-дывно было бы покончено. *(Председателю.)* У меня пока все.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У защиты есть вопросы?

ЗАЩИТНИК. Есть. Скажите, Подоплеков, вы сожалеете о том, что произошло?

ПОДОПЛЕКОВ. Еще бы не сожалеть! Да если б я знал...

ЗАЩИТНИК. У меня все.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Для допроса вызывается свидетельница Подоплекова. Подоплекова, поднимитесь сюда!

ЛАРИСА. Еще чего, буду подниматься. Над мужем издеваетесь, так еще и я вам нужна.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетельница, вы видели, что бывает с теми, кто отказывается выполнить распоряжения судьи? Не заставляйте нас прибегать к силе вторично. Поднимайтесь.

ЛАРИСА. Хорошо, я подчиняюсь. *(Поднимается на сцену.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетельница, суд предупреждает вас, что на задаваемые вам вопросы вы должны отвечать только правду. За отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний вы будете привлечены к уголовной ответственности. Вам понятно это предупреждение?

ЛАРИСА. Чего уж тут не понять?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Распишитесь у секретаря, что предупреждение вам сделано. *(Лариса расписывается.)* Свидетельница, вы знакомы с подсудимым?

ЛАРИСА. Как же мне быть с ним незнакомой, если я его жена?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетельница, вы должны не комментировать вопросы, а отвечать на них по возможности ясно и кратко. Сколько лет вы знакомы?

ЛАРИСА. Двенадцать лет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А в браке сколько лет состоите?

ЛАРИСА. Это как считать. Мы сначала три года без расписки жили.

ПРОКУРОР. То есть незаконно?

ЛАРИСА. Без расписки. А потом я забеременела, он предложил, и мы подали заявление.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Значит, в законном браке состоите?..

ЛАРИСА. Девять лет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Дети большие?

ЛАРИСА. Игорь во втором классе, а Света в детский сад ходит, в старшую группу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Значит, вы вместе прожили большую

жизнь. И наверное, никто другой не знает подсудимого так хорошо, как вы?

ЛАРИСА. Да уж конечно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо. В таком случае расскажите нам все, что вам известно о подсудимом.

ЛАРИСА. О подсудимом мне известно, что он очень хороший муж, очень хороший отец и вообще очень хороший человек.

ПРОКУРОР. Ды-ды-ды!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хороший человек. Что значит, хороший человек? Может быть, Гитлер для Евы Браун был тоже хороший человек!

СЕКРЕТАРЬ. Замечательный был человек. Товарищ председатель, а Геббельс был очень хороший семьянин. Он всех своих детей отравил, а потом жену застрелил и сам застрелился.

Члены суда смеются.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вот видите, какие хорошие люди бывают. Так что хороший человек это еще не характеристика. Вы нам расскажите что-нибудь конкретнее.

ЛАРИСА. Я не знаю, что вам рассказать.

ПРОКУРОР. Ну, расскажите хотя бы, что вам известно о его враждебных взглядах.

ЛАРИСА. Ни о каких таких взглядах ничего не знаю.

ПРОКУРОР. Ну хорошо. Когда вам стало известно о намерении вашего мужа проникнуть сюда?

ЛАРИСА. Вот вы опять говорите проникнуть. Мы не проникали, мы просто пришли. Сеня как-то вернулся с работы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы должны говорить не Сеня, а подсудимый.

ЛАРИСА. Для кого подсудимый, а для меня Сеня. Сеня как-то пришел...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетельница, а я вам еще раз говорю, вы должны называть его не Сеня, а подсудимый.

ЛАРИСА. А я вам говорю, что я не буду называть своего мужа подсудимым. Для меня он Сеня, Сенечка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетельница, мне придется вас наказать.
ПОДОПЛЕКОВ. Лара, я тебя прошу, не возражай им. Ты же видишь, это какие-то придурки. Если они и тебя схватят, с кем же наши дети останутся?

ЛАРИСА. Я понимаю. Я должна быть очень осмотрительной, но не могу же я тебя называть подсудимым. Я люблю тебя, Сенечка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*почти в истерике*). Свидетельница, ну что же вы делаете? Я не хочу вас наказывать, но вы меня вынуждаете. Стража!

ПОДОПЛЕКОВ. Гражданин председатель, минуточку! Моя жена не подумала. Она, как бы сказать, политически незрелая. Это моя вина. Я когда газеты читал, ей ничего не рассказывал. А ей самой некогда. Работа, дорога, очереди. А еще ведь надо сготовить, постирать, за Светкой в садик сходить, у Игоря уроки проверить. Лара, пожалуйста, не противься, называй меня, как они хотят. Мне все равно будет приятно. Я люблю слышать твой голос, что бы ты им ни произносила.

ЛАРИСА. Сенечка!

ПРОКУРОР. Ды-ды-ды!

ЛАРИСА (*спохватившись*). Подсудимый мой! Подсудимочкин! (*Плачет.*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*растрогавшись, плачет*). Надо же! Какая любовь! Как она его любит! Почему меня никто так не любит? (*Плачет.*)

СЕКРЕТАРЬ (*волнуясь*). Товарищ председатель, разрешите возразить. Мы вас любим. Вас народ любит. Вас все любят, кроме подсудимых.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, да, я это знаю. Но иногда, знаете, хочется, чтобы не только народ, не только все вместе, но каждый по отдельности... Ну, да ладно. Продолжим допрос. (*Ларисе.*) Значит, вы говорите, подсудимый пришел с работы и..?

ЛАРИСА. ...и говорит, что достал билеты в театр. Я ему сразу сказала, что, наверное, какая-то чепуха, но потом подумала, что надо же когда-то выйти на люди, отвлечься от домашнего быта, от кухни, от стирки...

ПРОКУРОР. Значит, вы даже не попытались отговорить его от этой безумной затеи?

ЛАРИСА. Нет, не попыталась. Если б я знала...

ПРОКУРОР (*смеется*). Ну, вот опять. Если б я знала. Раньше надо было знать. Ведь это преступление не могло совершиться случайно, по внезапному необдуманному побуждению. Оно, безусловно, результат выношенных и законченных убеждений. Вы живете с ним столько лет. Неужели за столько лет он ни разу не высказал вам своего неприятия нашей системы, своей звериной, я бы сказал, ненависти к нашему строю?

ЛАРИСА. Да что это вы такое говорите? Да зачем это он будет на себя такое наговаривать?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну зачем же наговаривать? Бывает, у человека накопело на душе, по службе обошли, премии лишили, квартиру не дали, в автобусе кто-нибудь на ногу наступил, ну и срывается человек. На людях еще как-то терпит, а домой придет и сорвется. Ненавижу, говорит, эту власть, этот строй, эту систему...

ПРОКУРОР (*подхватывает*). Взял бы, говорит пулемет, и всех этих председателей, секретарей, прокуроров ды-ды-ды-ды!

ЛАРИСА. Да что вы! Да как можно! Да мой Сеня, он не только что секретарей или прокуроров, он даже мухи в жизни не обидел.

ПРОКУРОР. О-ох, как тяжело с ней разговаривать!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ничего, надо терпеть. Терпеть иногда бывает трудно, но надо. Я жду, когда вы, свидетельница, наконец поймете, что перед вами не враги. Мы пришли сюда не для того, чтобы сделать кому-то плохо, а для того, чтобы разобраться во всем спокойно и объективно, чтобы помочь вашему мужу и вам. Но и вы нам должны помочь.

ПРОКУРОР. Да-да, вы должны нам помочь, вы должны рассказать... Может быть, ваш муж такой коварный и скрытный, что даже от жены скрывал свои звериные взгляды. Но между мужем и женой бывают же такие интимные, понимаете ли, ситуации, когда он не выдерживает и полностью раскрывает свою звериную сущность.

ЛАРИСА. А-а, вы об этом. Так это другое дело. Конечно, в интимной ситуации он иногда звереет.

ПРОКУРОР (*быстро*). И что он вам тогда говорит?

ЛАРИСА (*взволнованно*). Он ничего не говорит, он рычит.

ПРОКУРОР. И тем самым выражает свою звериную ненависть?

ЛАРИСА. Да что это вы такое городите? Да почему же ненависть? Он выражает свою звериную страсть ко мне. Он такой, знаете, неумный. Другой раз придешь вечером... и на работе намаялась и в очередях настоялась. В одной руке сумка, и в другой руке сумка... Так он эти сумки из рук вырывает и кидается прямо, как зверь... Я говорю: „Сеня, да что же ты делаешь?“

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не Сеня, а подсудимый.

ЛАРИСА (*покорно*). Да что же ты, говорю, подсудимый, делаешь! Да дай же хоть дух перевести...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*нервно*). Свидетельница, не надо так говорить! Вы волнуете членов суда. Вы оказываете на них воздействие. В такой обстановке просто невозможно работать. (*Наклоняется по очереди к заседателям, те кивают.*) Суд объявляет перерыв. Надо посоветоваться.

6

Все встают, и Председатель, как бы расстегивая на ходу штаны (но без излишнего натурализма), устремляется к статуе Фемиды с явным намерением справить под ней малую нужду.

СЕКРЕТАРЬ (*бежит за Председателем*). Товарищ председатель, только, пожалуйста, не сюда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*недовольно*). А почему это не сюда?

СЕКРЕТАРЬ. Дело в том, что это, извините, не писсуар, а статуя Фемиды, богини правосудия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да? А я думал, это Зоя Космодемьянская.

Но в богинь никаких я не верю и вообще думаю, что с религией надо бороться. *(Решительно становится под статуей.)* Тем более, что глаза у нее завязаны.

СЕКРЕТАРЬ. Товарищ председатель, у нее-то завязаны, а у публики нет. Тем более, что при вашем высоком положении сейчас все взоры прикованы к вам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, да, я понимаю. Приятно быть популярной личностью, но и у популярности есть своя оборотная сторона. Куда идти?

СЕКРЕТАРЬ. Сюда, пожалуйста.

Секретарь берет Председателя под руку и ведет к дверям, за которыми скрылись уже Прокурор, Защитник и Заседатели. На дверях табличка: W.C. Двое автоматчиков застыли у дверей в почетном карауле.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А что это у тебя за книга в руках?

СЕКРЕТАРЬ *(слегка смутившись)*. Это, товарищ председатель, учебник английского языка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А зачем? Тебе что, наш язык не нравится?

СЕКРЕТАРЬ. Почему же, товарищ председатель, очень даже нравится. Но для того, чтобы знать врага, надо изучать его язык.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А, ну это, конечно, правильно. Вот смотрю на таких, как ты, и радуюсь. Какую смену вырастили. Умную, образованную. *(Плачет.)* Не зря все-таки мы страдали, не зря гибли от пули, от голода, от холода... *(Плачет.)*

Лариса вскакивает на сцену, приближается к клетке.

ЛАРИСА. Сеня!

ПОДОПЛЕКОВ. Лара!

ЛАРИСА. Сенечка, ты не беспокойся, я буду за тебя бороться, тебя освободят, ты вернешься домой.

ПОДОПЛЕКОВ *(обреченно)*. Нет, Лара, не надо себя тешить напрасными надеждами. Отсюда не возвращаются.

ЛАРИСА. Нет, Сеня, ты не прав. Ты должен ждать, ты дол-

жен верить, и справедливость рано или поздно восторжествует. Мой отец тоже в свое время пострадал, а потом его все-таки, пусть посмертно, но реабилитировали. Это был праздник в нашей семье.

ПОДОПЛЕКОВ. Хватит тебе таких праздников, Лара. Не жди меня, выходи замуж. Ты еще молодая, красивая, у тебя и зарплата неплохая. Ты еще встретишь какого-нибудь хорошего человека. Только смотри, чтобы он не таскал тебя по театрам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*приблизившись к дверям туалета, недовольно оглядывается*). Это что там за разговоры? Разве можно допускать контакты подсудимого со свидетелем? Остановите их. Есть там кто-нибудь?

ГОЛОС ГОРЕЛКИНА. Есть!

Появляется Горелкин в больничных штанах, шлепанцах и в милицейском форменном пиджаке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А это вы, Горелкин? Вам уже лучше?

ГОРЕЛКИН. Никак нет, не лучше. Фактически я нахожусь при смерти и врачи борются за мою жизнь. Но когда я слышу, что кого-то надо остановить...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Удалите, пожалуйста, подсудимого и отдыхайте. Главное в вашем положении, это уход и покой. (*Скрывается за дверью.*)

ГОРЕЛКИН (*звучно*). А ну разойдись! (*Толкает клетку в глубь сцены.*)

ЛАРИСА (*оставаясь на месте, простирает руки*). Сеня!

ПОДОПЛЕКОВ. Лара, забудь меня! И детям не говори, что я арестован.

ЛАРИСА. Но они же спросят, куда ты делся.

ПОДОПЛЕКОВ (*удаляясь*). Скажи им... Скажи, что я попал под автобус.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*выглянув из уборной, пальцем манит Секретаря. Шепотом*). Слушай, а как по-вражески будет жопа?

СЕКРЕТАРЬ. Эс, товарищ председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*удивленно*). Эс? А что же тогда по-ихнему значит Эс-Эс-Эс-Эр? Какая глупость! (*Скрывается за дверью.*)

7

СЕКРЕТАРЬ (*идет по направлению к Ларисе и, заглядывая в книгу, заучивает английские фразы*). Из Москоу э биг сити? Йес, ит из э вери биг сити. Москоу из э кэпитэл оф дэ Совет Юнион. Москоу из эн индастриал сентр оф дэ Совет Юнион. Дэра мэни фэкторис ин Москоу... (*Наталкивается на Ларису.*) О, сорри!

ЛАРИСА. Что?

СЕКРЕТАРЬ. А, это вы? Очень переживаете?

ЛАРИСА. Я не переживаю. Я возмущена. Я просто дрожу от негодования. За что вы схватили моего мужа? Что он вам сделал?

СЕКРЕТАРЬ. Лично я никого не хватал. Я сижу и пишу протокол. Что скажут, то и пишу. Скажут: „расстрелять”, я пишу: „расстрелять”. Скажут: „освободить”, я пишу: „освободить”.

ЛАРИСА. Напрасно вы себя пытаетесь оправдать. Вы тоже участвуете во всем этом безобразии.

СЕКРЕТАРЬ. Велл, я участвую. А вы разве нет?

ЛАРИСА (*изумленно*). Я? Ну да, ну конечно, но все-таки у нас очень уж разные роли.

СЕКРЕТАРЬ. Роли разные, а игра одна.

ЛАРИСА. Но имеет же значение, кто какое участие в этой игре принимает.

СЕКРЕТАРЬ. Вот именно! Имеет. Очень даже имеет. (*Неожиданно наклоняется к Ларисе.*) Ничего, вот прокурор умрет, и тогда все будет хорошо.

ЛАРИСА (*видя в Секретаре тайного единомышленника*). Да? Вы, правда, так думаете?

СЕКРЕТАРЬ. Я не думаю, я уверен. Он же старый, больной и злобный. Он всех держит за горло. Но среди нас есть дру-

гие люди, с современными взглядами, знающие иностранные языки, не чуждые духу гуманизма.

ЛАРИСА. Вы уверены, что такие люди есть?

СЕКРЕТАРЬ. Я в этом не сомневаюсь.

ЛАРИСА. И вы думаете, что прокурор скоро умрет?

СЕКРЕТАРЬ. Ну, я не знаю, скоро ли, но когда-нибудь он умрет. Я не встречал еще ни одного бессмертного прокурора. Поэтому надо ждать, надо верить, надо надеяться. *(Заметив вышедшего из уборной прокурора, меняет тему.)* Нельзя сосредотачиваться на своих мелких обидах. Оглянитесь вокруг, и вы увидите, сколько хорошего в нашей жизни. Сколько построено новых городов, заводов, электростанций...

ЛАРИСА. Я вас не понимаю, что вы такое говорите?

СЕКРЕТАРЬ *(продолжает список достижений)*. ...больниц, спортивных сооружений, кинотеатров, дворцов культуры. *(Подбегает к Прокурору и идет рядом с ним через сцену.)*

Ну что? Вы думаете, вам удастся доказать ваши обвинения?

ПРОКУРОР. Да что там ды-ды-ды-дыказывать. Все и так ясно.

СЕКРЕТАРЬ *(с готовностью)*. Полностью и абсолютно с вами согласен. Все совершенно ясно. Между прочим, я вижу, что вы находитесь в очень хорошей форме. У вас такой здоровый, цветущий вид. Предвкушаю огромное наслаждение от вашей обвинительной речи.

ПРОКУРОР *(резко повернувшись к Секретарю)*. Ды-ды-ды-ды! *(Скрывается за кулисами.)*

СЕКРЕТАРЬ *(возвращается к Ларисе)*. Вот видали? Дать ему пулемет, так он всех ды-ды-ды без всяких разбирательств.

ЛАРИСА. А вы правда считаете, что у него очень хороший вид?

СЕКРЕТАРЬ. Да, неплохой. Некоторые с таким видом в гробу лежат, а он все еще ходит. Но все-таки время идет, возраст и болезни делают свое дело. *(Замечая вышедшего Защитника.)* Надо думать не только о себе. Надо видеть, что происходит в мире... Империалисты нагло попирают свободу в Ливане, в Сальвадоре, в Никарагуа. В Чили полиция

применяет против демонстрантов оружие. В Англии старые люди насмерть замерзают в собственных квартирах...

ЛАРИСА. Что? Какие старые люди? В каких квартирах?

СЕКРЕТАРЬ *(с пафосом)*. В Америке, которая лицемерно рассуждает о правах человека, десять процентов безработных. Половина африканского населения страдает от постоянного недоедания... *(Подходит к Защитнику и идет рядом с ним.)* Ну что, вы думаете, вам удастся защитить подсудимого?

ЗАЩИТНИК. Посмотрим. Все не так ясно, как кажется с первого взгляда.

СЕКРЕТАРЬ. Абсолютно с вами согласен. Все очень и очень не ясно. Между прочим, вы прекрасно выглядите. Надеюсь, вы в хорошей форме. Предвкушаю незабываемое наслаждение от вашей защитительной речи.

ЗАЩИТНИК. Речь-то я произнесу, но прежде мне надо поговорить с моим подзащитным. Это моя обязанность.

СЕКРЕТАРЬ. И ваш благородный долг. Защищать человека, его права и достоинство, что может быть прекраснее этого. *(Уходит.)*

8

На опустевшей сцене появляется Рабочий. Поправляет реквизит, подходит к Фемиде, меняет местами молот и серп.

Справа выходит встрепанный человек. В руках у него старый приемник „Спидола” с согнутой антенной. Из приемника несутся свист, визг, вой и другие характерные звуки глушения. Человек мечется по сцене, то поднимая приемник, то опуская, переворачивая вниз антенной и прикладывая к разным предметам. Таким образом он пытается найти место или положение, при котором лучше слышно.

Рабочий оборачивается на шум, подходит сзади к Человеку с приемником, трясет его за плечо.

РАБОЧИЙ. Эй, папаша! Вы что, сдурели? Да что это вы делаете?

ЧЕЛОВЕК С ПРИЕМНИКОМ (*приложив палец к губам*).

Тссс! Слышите, что говорят?

РАБОЧИЙ. Слышу. (*Имитирует звук глушилки.*) У-у-у-у!

ЧСП. Да вы прислушайтесь. Слышите? Они говорят, что здесь в театре только что был арестован какой-то человек. Вы это видели?

РАБОЧИЙ. Нет, не видел. Мое дело во время перерыва придти, чего-нибудь поправить, передвинуть, а что тут между перерывами происходит, я не смотрю.

ЧСП. Как же вы не смотрите? Тут человека арестовали, а вы и не замечаете.

РАБОЧИЙ. А за что арестовали-то?

ЧСП. Да вот именно, что ни за что. Он просто пришел в театр, а его схватили.

РАБОЧИЙ. А-а, в театр пришел! А вы говорите, ни за что! Правильно арестовали. Если в театре не работаешь, зачем в него ходить? И вы, папаша, между прочим, тоже зря по театрам шатаетесь. Да еще с такими, как говорится, незрелыми мыслями. Да еще с тарактелкой вот этой. А вот вас посадят и тоже будете говорить — ни за что.

ЧСП. Но я надеюсь, вы-то меня не выдадите.

РАБОЧИЙ. Я-то не выдам, но за них (*показывает на зрителей*) не ручаюсь. Так что вы уж, папаша, лучше от греха подальше.

Рабочий подталкивает Человека с приемником к выходу. Тот спотыкается, падает. От удара с приемником что-то происходит, и звуки глушения сменяются чистым и ясным голосом диктора.

РАДИО. ...как мы уже передавали, был арестован прямо в зале театра, где он откровенно и резко критиковал существующую систему и призвал к соблюдению основных свобод и прав человека. Наблюдатели полагают, что столь необычная оперативность, которую власти проявили при аресте

сте и предании суду инженера Подоплекова, объясняется их решимостью навсегда покончить с остатками инакомыслия... ЧСП (*торопливо поднимаясь*). Слышали? Ну, теперь-то вы слышали?

РАБОЧИЙ. Не слышал и слышать не хочу.

За сценой слышна трель милицейского свистка.

РАБОЧИЙ. Ну вот видите, дослушались, достукались. Мотай, папаша, отсюда. Сейчас же поймают.

ЧСП. Бегу, бегу. (*Убегает.*)

РАБОЧИЙ. Ну и мне тут делать нечего. (*Убегает.*)

На сцену выскакивает Горелкин в пижамных штанах, шлепанцах и в форменном кителе.

ГОРЕЛКИН (*не обнаружив никого на сцене, обращается к залу*). Кто тут чего говорил о Подоплекове? Чего молчите? Думаете, я ничего не слышал? Думаете, если Горелкин при смерти, так он уже ничего и не слышит? Нет, Горелкин все слышит и все видит. Эй, гражданин! (*Свистит.*) Да, да, к тебе обращаюсь. Сядь на место. Сказано, не выходить из ряда, значит, не выходить. Вот так. Распустились, понимаешь. Никакой дисциплины, никакой сознательности. Еще говорят, свободы им не хватает. Да вам дай свободу, вы ж тут все вообще перевернете. (*Продолжая бормотать что-то насчет свободы, уходит.*)

9

Автоматчик, лязгая засовом, открывает дверь в клетку Подоплекова и закрывает за вошедшим внутрь Защитником. Защитник стоит перед Подоплековым, улыбаясь, но тот в апатии и ни на что не реагирует.

ЗАЩИТНИК (*протягивает руку*). Позвольте от всей души крепко пожать вашу руку.

ПОДОПЛЕКОВ (*не глядя на Защитника, вяло протягивает руку*). Пожмите.

ЗАЩИТНИК (*трясет руку Подоплекова*). Восхищен! Искренне восхищен вашим мужеством. Вы так прямо, откровенно, при всем народе высказали свои принципиальные критические убеждения.

ПОДОПЛЕКОВ. Вы что, смеетесь? Какие у меня убеждения? У меня их отроду не бывало.

ЗАЩИТНИК. Ну зачем так скромничать? По-моему, у вас убеждения есть и вполне определенные.

ПОДОПЛЕКОВ. Убеждения, убеждения... Длинный язык у меня есть, а не убеждения.

ЗАЩИТНИК. Значит, вы чувствуете, что вели себя как-то не совсем правильно?

ПОДОПЛЕКОВ. Что за вопрос? Вы же видели сами, как я себя вел. Характер такой дурацкий. Всегда лезу узнать, что, где, чего. Все мне интересно. Сидел бы себе, помалкивал в тряпочку, как другие. Да что там говорить!

ЗАЩИТНИК. Очень рад от вас все это слышать. Когда человек сам понимает свои ошибки, начинает осознавать пагубность своих поступков, это уже и есть первый шаг к исправлению. А если вы к тому же прямо и принципиально осудите свое недавнее поведение во весь голос, моя задача защитить вас значительно упростится.

ПОДОПЛЕКОВ (*настороженно*). Я не понимаю, о чем вы говорите.

ЗАЩИТНИК. Слушайте, мы должны вместе разработать определенную и четкую программу вашей защиты. Вот сейчас судьи выйдут, я попрошу дать вам немедленно слово и вы сразу, без обиняков, не виляя, со свойственным вам мужеством скажете, что, оказавшись в тихой, спокойной, располагающей к размышлениям обстановке, обдумали свое неправильное поведение, осудили свое преступное прошлое и глубоко раскаиваетесь, что своими действиями нанесли непоправимый ущерб народу и обществу.

ПОДОПЛЕКОВ. Я ничего не понимаю, ничего не понимаю. Какой ущерб, какое преступное прошлое? Ну, сказал я что-то, ну, не подумал...

ЗАЩИТНИК. Вот именно! Вот так и скажете, что не подумали. В конце концов судьи и прокурор, они же люди. Ну да, они действуют прежними методами, они старые, больные, у председателя недержание, а у прокурора, наоборот, моча не идет, ему больно, он нервничает, но все-таки они люди. Они могут понять и простить. Ну конечно, полностью оправдать они вас не могут, но учитывая чистосердечное признание и искреннее раскаяние, могут значительно снизить наказание. Ну, дадут они вам лет, скажем, пять, ну, десять от силы.

ПОДОПЛЕКОВ (*хватается за голову*). Десять лет!

ЗАЩИТНИК. Ну что вы так пугаетесь! Десять лет это всего две пятилетки. Зато вернетесь, дети уже взрослые, не надо растить, беспокоиться. Они уже к тому времени и коклюшем переболеют, и скарлатиной.

ПОДОПЛЕКОВ (*закрыв лицо руками, сквозь слезы*). Десять лет! Десять лет!

ЗАЩИТНИК. Я вижу, вас ужасает сама эта цифра десять. Но что такое десять? Это всего лишь единица и ноль. Да и кроме того, в местах заключения тоже есть самые разнообразные возможности. Зачеты за перевыполнение плана. А может, так повезет, что попадете куда-нибудь, скажем, на урановые рудники. Там и вовсе день за три идет. Поработаете и через три года дома.

ПОДОПЛЕКОВ. Через три года? Лысый и импотент?

ЗАЩИТНИК. Ну, что лысый — это даже удобнее. Не надо с собой расческу носить, не надо заботиться. А второе это и вовсе ерунда. Дети у вас уже есть, а в остальном я вообще никакого проку не вижу. Слушайте, Подоплеков, Семен Владиленович, Сеня, признайся честно и бескомпромиссно и ты мне поможешь. А я помогу тебе. Я буду тебя так защищать, я произнесу такую речь, ты даже представить себе не можешь. Я когда в ударе, я такую речь могу закатить, что сам Плевако в гробу от зависти перевернется.

ПОДОПЛЕКОВ. Слушайте, а вы, может быть, того?.. *(Крутит у виска пальцем.)*

ЗАЩИТНИК *(обиженно)*. Ты хочешь сказать, что я сумасшедший?

ПОДОПЛЕКОВ. Да, не только вы. Председатель, прокурор, заседатели.

ЗАЩИТНИК. Нет, Сеня, ты не прав. Так не может быть, чтобы ты один был нормальный, а все остальные нет. Ну сам подумай. Не может же быть так, чтобы все были сумасшедшие. Я, прокурор, председатель, заседатели, зрители. Нет, так не может быть. Скорее всего сумасшедший кто-то один.

ПОДОПЛЕКОВ. То есть я?

ЗАЩИТНИК. Извини, я ничего плохого сказать не хотел.

ПОДОПЛЕКОВ. Да, может быть, вы правы. Может быть, я действительно сошел с ума.

ЗАЩИТНИК. Вот! Это разумное предположение. На этом мы и будем строить нашу защиту. Вызовем хороших экспертов и отправим тебя лечиться. Там тебе процедуры разные, галапиридол, аминазин, шоковая терапия. Лет пять-шесть полечишься, и выйдешь полным идиотом. Ничто тебя не будет волновать, все будет казаться в розовом свете.

ПОДОПЛЕКОВ. Нет, нет, только не это. Не хочу быть идиотом. Пусть будет тюрьма, лагерь, урановые рудники, расстрел, но идиотом быть не хочу.

ЗАЩИТНИК *(разочарованно)*. Ну, вот видишь. Так кто же ненормальный?

10

Друг за другом из уборной выходят Прокурор, Заседатели и Председатель, поддерживаемый Секретарем. Часовые берут „на караул“.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну вот, теперь как-то полегче. Теперь можно и за дело.

СЕКРЕТАРЬ (*оставив Председателя, идет к своему столу*). Прошу встать! Суд идет! Прошу садиться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжается слушание дела подсудимого... подсудимого... (*Секретарю.*) Кого мы судим-то? (*Секретарь шепчет в конец провода.*) Подалекова? Вот этого? Как же, помню. А что милиционер? Он еще жив?

ПРОКУРОР. Пока жив. Но врачи все еще борются за его жизнь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Напрасно он полагается на врачей. Я лично в них разочарован. Раньше я в две вещи верил: в марксизм и в медицину. А теперь в медицину не верю. Ну, ладно. Продолжаем заседание. Для допроса вызывается свидетельница Соленая.

СЕКРЕТАРЬ. Зеленая, товарищ председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну, Зеленая. Здесь она?

ЗЕЛЕНАЯ. Здесь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Поднимитесь сюда. (*Зеленая поднимается.*) Свидетельница, назовите вашу фамилию, имя и отчество.

ЗЕЛЕНАЯ. Зеленая Альбина Робертовна.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы знакомы с подсудимым?

ЗЕЛЕНАЯ. Да, мы работаем в одном и том же НИИ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В каких служебных отношениях вы с ним находитесь?

ЗЕЛЕНАЯ. Мы коллеги. Он инженер и я инженер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А культургом вы работаете в порядке общественной нагрузки?

ЗЕЛЕНАЯ. Да, по поручению месткома.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И вы проводите много культурных мероприятий?

ЗЕЛЕНАЯ. Да, порядочно. Мы устраиваем культпоходы по местам боевой славы, по ленинским местам, организовали поездку по Золотому кольцу, участвовали во всесоюзной переключке под девизом „Никто не забыт, ничто не забыто”, посетили „Бородинскую панораму”, музей вооруженных сил, выставку достижений народного хозяйства, провели литературную викторину под названием „Ленин и теперь живее всех живых” и беседу „Нравственные аспекты продо-

вольственной программы”, прослушали лекцию „Образ коммуниста в произведениях современных советских писателей”, совершили два маршброска по местам боевой славы, сочетая его со сбором грибов, ну и кроме того, проводим коллективные вылазки в кино, театры и так далее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И подсудимый тоже участвовал во всех этих мероприятиях?

ЗЕЛЕНАЯ. М-мм. Вы знаете, я, честно сказать, не помню. Вы знаете, иногда на некоторые мероприятия людей собрать трудно. Каждый придумывает какую-нибудь отговорку: теща приехала или жена болеет, или еще что-нибудь в этом духе.

ПРОКУРОР. И обвиняемый тоже уклонялся?

ЗЕЛЕНАЯ. Да, уклонялся. Особенно, если какое-нибудь мероприятие патриотического характера или на ленинскую тему.

ПОДОПЛЕКОВ. Вранье! В викторине „Ленин и теперь живет всех живых” я участвовал и даже прочел отрывок из Маяковского.

ЗАЩИТНИК. Это правда?

ЗЕЛЕНАЯ. Да, это правда. Вообще Семен Владиленович...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетельница, вы должны говорить не Семен Владиленович, а подсудимый.

ЗЕЛЕНАЯ. Извините. Вообще подсудимый человек начитанный. Много знает наизусть из Маяковского, из Ильфа и Петрова. Но в общественно-политическом плане проявляет пассивность.

ПРОКУРОР. Но сюда он пришел охотно?

ЗЕЛЕНАЯ. Да, сюда охотно. Я ему когда предложила билеты, он очень заинтересовался названием, стал спрашивать меня, о чем это. Я говорю, не знаю, я слышала, там вроде кого-то судят.

ПРОКУРОР. А он что?

ЗЕЛЕНАЯ. А он говорит: очень интересно, очень интересно. Я, говорит, люблю, когда кого-то судят.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда кого-то, но не его.

СЕКРЕТАРЬ. Правильно. Когда кого-то, но не его.

ПРОКУРОР. Если он заранее этим процессом заинтересовался и даже приобрел билеты, можем ли мы считать, что он явился сюда с заранее обдуманном намерением, с надеждой извлечь для себя из этого мероприятия какую-то пользу?

ЗЕЛЕНАЯ. Да, я думаю, мы можем так считать.

ПОДОПЛЕКОВ. Нахалка, что ты городишь? Какую пользу я из этого мог извлечь?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый, ведите себя в рамках. Иначе я вынужден буду в дополнение к уже предъявленным вам обвинениям добавить оскорбление свидетелей и попытку оказать на них давление.

ЗАЩИТНИК. Товарищ председатель, я думаю, что поведение моего подзащитного объясняется тем нервным напряжением, в котором он сейчас пребывает.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я это понимаю. Поэтому для начала я ограничиваюсь только предупреждением. У обвинения еще есть вопросы?

ПРОКУРОР. Есть. Скажите, свидетельница... Нравственный облик обвиняемого как человека, уклоняющегося от активного участия в нашей общественной жизни, как мещанина, замкнувшегося в мире своих мелких интересов, более или менее очевиден. Но как он вообще вел себя в коллективе, стремился ли привлечь кого-то на свою сторону, дружил ли с кем-то?

ЗЕЛЕНАЯ. Не могу сказать точно. По-моему, ближе других он как-то сошелся с Терехиным, они в обеденный перерыв вместе в шахматы играли.

ЗАЩИТНИК. А Терехин этот тоже здесь?

ЗЕЛЕНАЯ. Да, должен быть здесь. Я думаю, он там где-нибудь в заднем ряду сидит. Точно, во-он он, видите?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(вглядываясь)*. Нет, не вижу. *(Раздраженно.)* Дайте бинокль. *(Секретарь немедленно подает неизвестно откуда взявшийся бинокль.)* Так. Это который же?

ЗЕЛЕНАЯ. А вон видите, там сзади съезжился.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это который в сером пиджаке, что ли?

ЗЕЛЕНАЯ. Ну да, в полосочку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, да, вижу. А что это он в заднем ряду сидит? Билетов, что ли, получше не достал?

ЗЕЛЕНАЯ. Нет, билеты у нас у всех были хорошие. Наверное, с кем-нибудь поменялся. У него уже привычка такая, он даже на собраниях всегда сзади других сидит.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну хорошо, пусть сидит. *(В зал.)* Вы, Терехин, приготовьтесь, может быть, вы нам еще тоже понадобится. *(Прокурору.)* У вас еще есть вопросы к свидетельнице?

ПРОКУРОР. Есть. *(Зеленой.)* А скажите, свидетельница, не выражал ли когда-нибудь обвиняемый своего неприятия нашей системы, своей звериной ненависти ко всему нашему?

ЗЕЛЕНАЯ. Вслух? Нет, я от него ничего такого не слышала.

ПРОКУРОР. Ну, если вы не слышали и даже если никто другой не слышал, это может свидетельствовать только о его скрытности, о том, что он очень умело маскирует свою истинную сущность.

ЗЕЛЕНАЯ. Об этом я как-то не подумала.

ПРОКУРОР. Вот именно, что не подумали. А надо было подумать. Если бы вы и ваш коллектив вовремя об этом задумались, подняли бы тревогу, преступление можно было предотвратить.

ЗЕЛЕНАЯ. Да. Я думаю, что вы правы. Мы должны это учесть, сделать необходимые выводы, усилить воспитательную работу...

ПРОКУРОР. И повысить бдительность.

ЗЕЛЕНАЯ. Да, да, вы правы.

ПОДОПЛЕКОВ. Мерзавка!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый, перестаньте выражаться!

ЗЕЛЕНАЯ. Ничего, я к этому уже привыкла.

ПРОКУРОР *(заинтересованно)*. Что он часто вас так оскорблял?

ЗЕЛЕНАЯ. Ну, не так, так иначе. *(Волнуясь.)* Я, конечно, не хотела говорить, но раз он себя так ведет, я скажу. Вообще надо сказать, что Семен Владиленович...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не Семен Владиленович, а подсудимый...

ЗЕЛЕНАЯ. Да, извините. Конечно, подсудимый. Подсуди-

мый отличается неуживчивым характером, с коллегами заносчив, высокомерен. Хвастается тем, что он Маяковского чуть ли не всего наизусть знает. Ну и что. Я вот, например, на вечерах читаю иногда „Песню о соколе” Горького, но я же этим не хвастаюсь. И вообще, к коллегам по работе абсолютно равнодушен. Мы столько лет в одной комнате друг против друга сидели... И вот, знаете, иной раз прическу сменишь или придешь в новой кофточке... Ну хоть бы он раз заметил. Хоть бы раз сказал: „Алечка, как ты сегодня прекрасно выглядишь”.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не Алечка, а свидетельница.

ЗЕЛЕНАЯ. Ну пусть бы даже назвал меня свидетельницей, но спросил бы при этом: „Где ты так загорела? Где ты достала эти туфли?” Но никогда же никакого внимания. Ведь он за столько лет даже не удосужился запомнить, когда у меня день рождения. *(Всхлипывает.)* И вообще, надумал жениться, взял женщину со стороны, хотя в нашем коллективе есть свои не хуже.

ЛАРИСА *(выскакивает на сцену)*. Это кто не хуже? Ты, что ли? Да Сеня мне всегда говорил...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(грозно)*. Кто, кто говорил?

ЛАРИСА *(Председателю)*. Подсудимый, подсудимый говорил. *(Зеленой.)* Он мне всегда говорил, что у тебя ноги кривые и нос картошкой.

ПОДОПЛЕКОВ *(с упреком)*. Лара!

ЗЕЛЕНАЯ *(надменно)*. Не знаю, кому он что говорил. Мне он говорил, что у меня нос греческий.

ЛАРИСА. Древнегреческий.

ПРОКУРОР. Вот видите, одной женщине он говорил одно, а другой другое. *(Зеленой.)* Ну, теперь-то вы видите, кого вы в вашем коллективе пригрели?

ЗЕЛЕНАЯ. Да, конечно. Теперь я вижу, что это враг, которого может быть даже и расстрелять следует.

ПРОКУРОР *(радостно)*. Ды-ды-ды-ды!

ЗАЩИТНИК. Товарищ председатель, я протестую. Свидетельница не должна давать советы суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Совершенно верно. Свидетельница, вы не

должны выходить за рамки. Если надо, мы сами приговорим подсудимого, а наши специалисты приведут приговор в исполнение.

ПРОКУРОР. Товарищ председатель, я не понимаю, почему мы должны затыкать ей рот. Где же наш хваленый гуманизм? Ведь она нам представила очень и очень интересные данные об обвиняемом как о мелком черством эгоисте, настолько погруженном в свои зловещие планы, что он даже не видит, в чем одета его сотрудница, и не помнит даже ее дня рождения. Не от этого ли отстранения от коллектива идут корни звериного неприятия всего нашего?

ЗАЩИТНИК. Товарищ председатель, я протестую. Свидетельница, конечно, может высказывать свое личное мнение о моем подзащитном, но она не имеет права подсказывать, какой ему должен быть вынесен приговор.

ПРОКУРОР. Почему же она не имеет права? У нас всякий человек имеет право. И вообще, может быть, она хочет выступить общественным обвинителем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хватит, хватит. Когда ее назначат обвинителем, тогда она им и будет. А сейчас ее дело отвечать на вопросы и все. Свидетельница, вы свободны. *(Зеленая спускается в зал.)* Для допроса вызывается свидетель Терехин. Терехин здесь? *(Пауза.)* Я спрашиваю, где Терехин?

ЗЕЛЕНАЯ *(из зала)*. Он только что там сидел.

СЕКРЕТАРЬ. Я тоже его только что видел.

ПРОКУРОР. Ды-ды-ды! *(Саркастически.)* Он тоже только что видел. Да надо было не видеть, а задержать. Ведь заранее было ясно, что сбежит.

ЗАЩИТНИК. Ну, нет. Это было трудно предвидеть. Тем более, что там вокруг него были люди.

ПРОКУРОР. Вот именно были люди. Но надо еще посмотреть, что за люди. Может, они тоже сбежать собираются.

Шум за кулисами. Горелкин волочит по полу Терехина.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что такое? Кого это вы притащили?

ГОРЕЛКИН. Так что, товарищ председатель, данный гражданин пытался бежать. Я его из такси выволок.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А, Горелкин! Вы уже выздоровели?

ГОРЕЛКИН. Никак нет, товарищ председатель. Я очень болен и фактически нахожусь при смерти, но когда я вижу, что человек бежит...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*растроган*). Надо же! Сам находится при смерти, но когда речь идет о долге... Вот каких людей мы вырастили и воспитали! (*Плачет.*) Спасибо, Горелкин! Спасибо! Я уверен, что руководство вашего отделения учтет ваш подвиг, а наши специалисты немедленно окажут вам необходимую помощь.

Два санитаря укладывают Горелкина на носилки и уносят.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*утирая слезы*). Какие люди! (*Терехину с упрехом*). Что же это вы, свидетель, сбежать собрались? И не стыдно?

ТЕРЕХИН (*трясая от страха*). Сты-ты-ты-ты...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*передразнивая*). Ты-ты-ты. Ваши фамилия, имя и отчество?

ТЕРЕХИН. Те-те-те-терехин.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тетететерехин или просто Терехин?

ТЕРЕХИН. Просто. Те-те-те-терехин.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Имя-отчество?

ТЕРЕХИН. Пэ-пэпетр Ссыч.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Петр Ссыч?

ТЕРЕХИН (*охотно соглашается*). Пэ-пэ-петр Ссыч?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что значит Ссыч? Может быть, Силыч?

ТЕРЕХИН (*соглашается*). Ссыч.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Или Сергеевич?

ТЕРЕХИН (*соглашается*). Ссыч.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*раздражаясь*). Я вас не понимаю. Ваш паспорт с собой?

ТЕРЕХИН (*соглашается*). Сэ-сэ-сэ-сэ...

Дрожащими руками выворачивает карманы, из которых на пол летят какие-то бумажки, таблетки, носовой платок, спички и сигареты. Наконец, находит и подает председателю паспорт.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*читает*). Сысоевич. А вы говорите Ссыч.

ТЕРЕХИН (*с готовностью соглашается*). Ссыч.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель, сейчас вы будете допрошены по делу Подоплекова Семена Владиленовича. Суд предупреждает вас, что вы должны говорить только правду. За отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний вы будете привлечены к уголовной ответственности. Вам понятно предупреждение?

ТЕРЕХИН. По-по-по-по...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Распишитесь у секретаря, что предупреждение было вам сделано.

Терехин непослушной рукой расписывается.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А что эт вы так дрожите? Вам холодно?

ТЕРЕХИН. Хо-хо-хо-хо...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Или жарко?

ТЕРЕХИН. Жа-жа-жа-жа...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слушайте, перестаньте дрожать. Возьмите себя в руки.

Терехин понимает приказание буквально и берется руками за бока.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну, успокойтесь?

ТЕРЕХИН. Упо-ко-ко-ко...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*передразнивает*). Ко-ко-ко. Еще яйцо не снес, а кудахчет.

СЕКРЕТАРЬ *(хлопает в ладоши и смеется)*. Здорово сказано. Еще не снес, а кудахчет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И поднимите свои вещи. Что это вы их по всей сцене раскидали? А что у вас там за таблетки?

ТЕРЕХИН *(ползая по сцене)*. Седу-ду...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Седуксен, что ли? Вот и примите его. Успокаивает.

Терехин высыпает в рот горсть седуксена, поднимается с колен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну, теперь можете говорить?

ТЕРЕХИН. Теперь могу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это правда, что вы с подсудимым находились в дружеских отношениях?

ТЕРЕХИН. Правда. *(Спохватившись.)* Нет, неправда. Мы только так. Иногда. В шахматы играли, пиво пили и все.

ПРОКУРОР *(оживившись.)* Даже пиво вместе пили?

ТЕРЕХИН. Разве нельзя? Пить пиво законом не запрещено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что вы беспокоитесь? Конечно, не запрещено.

ПРОКУРОР. Но обычно люди, которые пьют вместе пиво, они друг с другом разговаривают, иногда даже очень откровенно. Они иногда даже, как говорится, душу друг другу раскрывают. Хотелось бы знать, о чем вы говорили с обвиняемым?

ТЕРЕХИН. Ни о чем.

ПРОКУРОР. Совершенно ни о чем?

ТЕРЕХИН. Совершенно ни о чем.

ПРОКУРОР. Не могу поверить. Глухонемые и те о чем-то между собой говорят. Так о чем же вы говорили? *(Терехин молчит.)* Может быть, о женщинах? *(Терехин молчит.)* О спорте? *(Терехин молчит.)* О политике? Неужели даже о политике не говорили?

ТЕРЕХИН *(пугается)*. О политике? Не го-го-го...

ПРОКУРОР. Не верю! Неужели даже за кружкой пива он ни разу не высказал вам своей звериной ненависти к нашему

строю? Неужели, даже зевнув ферзя, ни разу не сказал, что он бы всех этих судей и прокуроров и адвокатов из пулемета ды-ды-ды?

ТЕРЕХИН *(в ужасе)*. Ды-ды-ды! *(Падает на колени и, простирая руки, ползет к Прокурору.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель, что вы делаете?

ТЕРЕХИН *(ползет к Председателю, обхватывает его ноги руками)*. Я больше не бу-бу-бу...

Председатель вырывается и отскакивает в сторону. Терехин ползет и хватается за ноги Защитника, потом заседателей, повторяя „Не бу-бу-бу...“

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Свидетель, прекратите сейчас же истерику. *(Секретарю.)* Немедленно успокойте его!

Секретарь делает знак, врываются охранники санитары. Терехину сквозь брюки втыкают огромный шприц и, обмякшего, уносят на носилках.

12

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(помолчав)*. Ну, я надеюсь, с ним ничего страшного не случилось. Сейчас наши специалисты окажут ему необходимую помощь и все будет в порядке. Я не понимаю, почему наши вопросы вызвали у него такую нервную реакцию. По-моему, для нее не было никаких оснований.

ПРОКУРОР. Абсолютно никаких оснований.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хотя в мои обязанности, как председателя данного трибунала, это не входит, но я все-таки хотел бы вам, товарищи, объяснить, что запугивание публики не является нашей целью. Мы вовсе не для того здесь собрались. И если кто-нибудь из вас будет вызван в качестве свидетеля...

ПРОКУРОР. Или обвиняемого...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не путай меня! Если кто-нибудь из вас бу-

дет вызван, вам не следует беспокоиться. Вы же видите, мы никого огульно не обвиняем. Мы пытаемся вникнуть в существо дела и поэтому задаем вопросы иногда даже довольно острые, но если вы отвечаете на наши вопросы правдиво, если вы относитесь к нам с доверием...

ПРОКУРОР. С любовью...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. ...вам ничто не угрожает. Напротив, мы вам будем всячески благодарны за помощь...

На сцену из зала вбегает взволнованный Зритель. Подходит к краю сцены и обращается к публике.

ЗРИТЕЛЬ. Товарищи!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Эй, подождите, вы кто такой?

ЗРИТЕЛЬ. Товарищи, я знаю, мне сейчас заткнут рот, но я не понимаю, что здесь происходит. Мы пришли смотреть спектакль и развлечься. А это не спектакль, а черт знает что.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да кто он такой? Кто ему разрешил? *(Прокурор, Защитник, заседатели, Секретарь пожимают плечами.)*

ЗРИТЕЛЬ. Товарищи, я вас спрашиваю, что здесь происходит? На наших глазах одного сажают в клетку, как зверя, над другим издеваются до потери сознания, а мы все сидим и молчим...

ПРОКУРОР. Это провокация! Это вражеская вылазка! Мы должны немедленно дать ды-ды-ды, отпор!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Гражданин, почему вы здесь оказались? Кто вас сюда вызывал? Если хотите выступить свидетелем, то для начала назовите ваше имя, отчество и фамилию.

ЗРИТЕЛЬ. Да, я свидетель вашей преступной деятельности, когда невинных людей вы хватаете ни за что ни про что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищ секретарь, немедленно удалите этого сумасшедшего из зала!

ЗРИТЕЛЬ. Сам сумасшедший!

ПРОКУРОР. Товарищ председатель, позвольте мне поговорить со зрителем наедине.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да-да, поговорите. И постарайтесь его убедить.

ПРОКУРОР. Ды-ды-ды! Я постараюсь. Я очень постараюсь, товарищ председатель.

Неожиданно крепкой хваткой берет Зрителя за шиворот и тащит за кулисы.

ЗРИТЕЛЬ (*уволакиваемый прокурором*). Товарищи, что же вы молчите? Сейчас взяли меня, а потом любого из вас! (*Исчезает за кулисами.*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как трудно работать с людьми! Какая невоздержанность и невоспитанность! Не вникнув в суть дела, не попытавшись даже понять значение происходящего, он выскакивает на сцену, нарушает общественный порядок. Ну, скажите сами, что можно делать с такими людьми?

13

За кулисами справа раздается шум.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*Секретарю*). Что там еще?

СЕКРЕТАРЬ (*бежит к источнику шума и немедленно возвращается. Берет конец провода*). Товарищ председатель, представители трудящихся просят разрешения провести короткую демонстрацию в поддержку суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*ворчливо*). Ну вот еще демонстрация. Чего демонстрировать? Делать, что ли, нечего? Ну ладно, пусть войдут. (*Публике.*) Ничего не поделаешь, свобода.

По знаку Секретаря через сцену с плакатами проходят двое участников демонстрации. На плакатах написано:

**ДУРНУЮ ТРАВУ ИЗ ПОЛЯ ВОН!
СМЕРТЬ ПОДОПЛЕКОВУ!**

Прокурор, стоя, аплодирует демонстрантам. Демонстранты, проходя мимо клетки, плюют в Подоплекова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*растроган*). Какие люди! Активные, целеустремленные. Не могут проходить мимо отдельных недостатков. (*Плачет.*)

14

Вслед за демонстрантами появляются два человека. Один держит телевизионную камеру. Другой с фотоаппаратом, магнитофоном и блокнотом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищи, а вы откуда? Из какой организации?

КОРРЕСПОНДЕНТ С БЛОКНОТОМ. Мы нет товарищи. Мы форин джорналистс.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*Секретарю*). Что? Что? Что он сказал?

СЕКРЕТАРЬ (*в провод*). Он сказал, что они иностранные журналисты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Журналисты? Кто разрешил? Кто пропустил? (*Журналистам.*) А, здравствуйте, здравствуйте. Добро пожаловать. (*Выходит из-за стола, пожимает журналистам руки.*) Вот, познакомьтесь, мои коллеги. (*Корреспонденты пожимают руки заседателям, Защитнику, Прокурору, Секретарю.*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*Секретарю*). Спроси их чего-нибудь повражески, зачем пришли, чего хотят.

СЕКРЕТАРЬ. Из Москоу э биг сити?

КОРРЕСПОНДЕНТ. О, йор англиш из соу гуд. Где вы учил ваш англиш? В Москва?

СЕКРЕТАРЬ. Йес, Москоу из э вери биг сити!

КОРРЕСПОНДЕНТ (*слегка раздражаясь*). Слушайте, мы очень хорошо знать, что Москоу есть очень большой город, но мы также хотел знать про полытический процесс над диссидент Подошлеков.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что? Что? Что он говорит?

СЕКРЕТАРЬ. Они говорят о каком-то диссиденте Подошлекове.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Диссидент Подошлеков?

ПОДОПЛЕКОВ (*из клетки*). Я протестую, я не диссидент. Я обыкновенный простой человек.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вот видите. Он обыкновенный простой человек. Зачем же вы его всякими такими словами оскорбляете?

ПРОКУРОР. Ды-ды-ды! Опять гуманность. Взять бы эту камеру, да по башке ему.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Что ви сказал?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прокурор сказал вам, что здесь никаких диссидентов нет. Здесь идет спектакль. Понимаете: сцена, зрители, артисты, спектакль.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Я понимаю, это спектакл. А если это спектакл, то какой рол играет это джентлмен в клетка?

ПОДОПЛЕКОВ. Я играю роль идиота.

СЕКРЕТАРЬ. Ю си? Хи из плэинг дэ рол оф эн идиот.

ЛАРИСА (*вскакивает на сцену*). Я не согласна! Это клевета! Граждане корреспонденты, моего мужа схватили просто ни за что. И вот издеваются, глупости всякие говорят. Говорят, что он Чехова из ружья застрелил.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А вы утверждаете, что он Чехова из ружья не стрелился? Нет?

ЛАРИСА. Ну, конечно же, нет. Чехов это наш писатель, классик. Он умер сто лет назад. (*Корреспонденты записывают что-то в блокнотах.*) Пишите, пишите. Так и напишите: говорят, что он застрелил Чехова, который давно умер. А про Подошлекова напишите в газетах, передайте по телевидению, что он ни в чем не виноват. Он хороший человек, хороший инженер, хороший семьянин, прекрасный муж и отец. Я вас очень прошу. Вы не бойтесь. Соберите какой-нибудь митинг, проведите демонстрацию с плакатами, с лозунгами: Руки прочь от Подошлекова.

ПРОКУРОР. Ды-ды-ды!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подошлекова, подумайте, что вы говорите.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Значит, вы не согласнываете, что Подошлеков есть один идиот?

ЛАРИСА. Да как же вы можете так говорить! Да вы посмотрите на него. Какой ясный ум и какое благородство в его глазах светятся. Разве можно назвать его идиотом? Это я идиотка, что не отговорила его идти на этот дурацкий спектакль.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Я немножко не понимаюсь. Значит, он нет идиот, вы есть идиот?

СЕКРЕТАРЬ. Дэра мэни идиотс ин Москоу.

ПРОКУРОР *(вскакивает с места, подбегает к корреспондентам)*. Ну, хватит, хватит. Нечего тут допрашивать. Кто у нас идиот, кто не идиот, это мы сами без вас разберемся. Посмотрели, поснимали и даньки шон.

Прокурор подталкивает корреспондентов к выходу, те пьются, на ходу снимая Подоплекова, Ларису и членов суда.

15

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну наконец-то мы остались одни и можем продолжить нашу работу. *(Встает и с ним вместе встают все члены суда.)* Суд приступает к слушанию сторон. Слово предоставляется государственному обвинителю.

ПРОКУРОР *(встает и ходит по сцене. Говорит сначала вяло, потом все больше и больше накаляется)*. Товарищи судьи! Мы живем в знаменательную эпоху, когда все наши люди в едином порыве вдохновенно трудятся, выполняя, перевыполняя, переперевыполняя взятые на себя обязательства, делая нашу жизнь еще лучше, еще прекраснее. Но в семье, товарищи, не без уродов, и один из уродов сидит сейчас перед вами. Его преступные действия были всесторонне, объективно рассмотрены и доказаны, и я на них останавливаться не буду. Меня сейчас волнует другое. Я пытаюсь и не могу понять, как в нашем обществе мог вырасти такой закоренелый преступник. Почему ни в семье, ни на службе, ни в этом зале он не встретил противодействия своим дале-

ко идущим и, я бы сказал, зловещим замыслам? Я знаю, мне возразят, скажут, что он своих вражеских убеждений никогда не высказывал, а свою звериную сущность умело скрывал. Но как раз именно это и должно было насторожить всех нас, кто здесь сидит. И я себе задаю вопрос: почему? Почему ни члены семьи, ни коллеги по работе, ни соседи по этому залу, вовремя не забили тревогу, не подняли на ноги нашу общественность, не призвали наши компетентные органы? Я вам скажу почему. Потому что везде, где безнаказанно действовал Подоплеков, процветала крайне нездоровая атмосфера благодушия, ротозейства и головотяпства. Да, Подоплеков исправно ходил на работу, чертил чертежи, пил пиво, играл в шахматы, смотрел телевизор и думал: вот взял бы сейчас пулемет и всех этих дикторов, хоккеистов, артистов...

ПОДОПЛЕКОВ. Ложь! Я никогда такого не думал.

ПРОКУРОР. Вот видите, он и сейчас упорствует, выгораживает себя, меняет окраску, как хамелеон. Товарищи судьи, у нашей системы есть много врагов. Но враги эти разные. Есть враги, вроде того зрителя, которого мы здесь недавно видели. Они выходят на сцену и открыто, я бы сказал даже, честно высказывают свою звериную ненависть ко всему нашему. С таким врагом бороться не сложно. Его просто берешь — ды-ды-ды — и все. Но гораздо большую опасность представляют для нас такие скрытые Подоплековы. Их много. В этом зале и за его пределами есть миллионы таких, которые ходят на работу, пьют пиво, играют в шахматы, а свою звериную ненависть так тщательно и умело скрывают, что не высказывают ее даже в самых критических ситуациях. Именно это зловещее явление я и называю тем словом, которое давно уже следовало здесь произнести. **ПОДОПЛЕКОВЩИНА** — вот оно это слово!

КРИКИ ИЗ ЗАЛА. Правильно!

ПРОКУРОР. К сожалению, болезнь зашла далеко. Эти

Подоплековы внедрили во все ячейки нашего общества, как холероносные бактерии. Они управляют комбайнами, стоят у станков, заседают в президиумах и трибуналах. *(Неожиданно взрывается.)* Нет, вы посмотрите в этот зал, взгляните в этих людей, и вы увидите, что это все Подоплековы. Да что там говорить о зале! Товарищи судьи, будьте наконец откровенны, загляните в самих себя и посмотрите, не сидит ли в каждом из вас такой же вот Подоплеков.

КРИКИ ИЗ ЗАЛА. Правильно!

ПРОКУРОР *(нервно подскочив к краю сцены)*. Кто кричал „Правильно!“ *(Судьям.)* Вот видите, эти Подоплековы уже даже „правильно“ кричат, только чтобы скрыть свою звериную сущность. А мы тут валяем дурака, ломаем комедию, разглагольствуем о каком-то гуманизме, когда самое гуманное сейчас это взять автомат *(выхватывает из рук Фемиды автомат)* и всех ды-ды-ды!..

Прокурор торопливо взводит затвор, намереваясь, видимо, полоснуть по залу. Секретарь сзади решительно набрасывается на Прокурора. На помощь Секретарю приходит Горелкин. Шум, возня, крики: „Ой!“ „Сошел с ума!“ „Отнимите оружие!“

Слышна резкая автоматная очередь. Теперь уже все члены суда набрасываются на Прокурора.

ГОЛОС ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Вызовите скорую помощь!

Свет гаснет. Слышен приближающийся шум автомобильной сирены. Сцена озаряется мигающим светом, в котором Прокурора торопливо укладывают на носилки и уносят. Опять гаснет и вспыхивает свет. Судьи стоят за столом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(бесстрастно)*. Суд объявляет перерыв.

АНТРАКТ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

1

На сцену выходит Бард и, настроив гитару, поет вполголоса:

— Зачем зацветаешь? —
спросили цветок.

Ответил:

— Затем, чтобы цвести.

— Но есть ли в цветеньи
Какой-нибудь прок?

Ответил:

Наверное, есть.

А если и нету,
судьбе навсегда

спасибо за краткую честь:

пред тем, как увянуть, облететь без следа,
хотя бы без пользы поцвести.

Появляется Лариса с сумкой.

ЛАРИСА (*запыхавшись*). Извините, что я вас прерываю. Что все уже кончилось?

БАРД. Что вы имеете в виду?

ЛАРИСА. Я имею в виду судебное заседание.

БАРД. А, заседание. Нет, оно еще не начиналось. И возможно, не скоро даже начнется. Что-то случилось с прокурором. То ли он помешался, то ли у него инфаркт, никто точно не знает. Некоторые даже говорят, что он уже умер.

ЛАРИСА (*всплеснув руками*). Какое счастье!

БАРД. Да, но это только слухи. На самом деле ничего не известно. Власти хранят гробовое молчание. Они не хотят объявлять о смерти прокурора до окончания процесса, а процесс никак нельзя закончить без прокурора.

ЛАРИСА. Все-таки я рада. Потому что прокурор был очень уж злобный.

БАРД. Да нет. Не то чтобы злобный. Просто человек старой формации, который не может иначе.

ЛАРИСА. А что вы думаете о председателе? Он тоже старой формации?

БАРД. Да, конечно. Но в общем человек неплохой. Бабник, выпивоха, рыболов.

ЛАРИСА. А заседатели?

БАРД. Видите ли, я вообще исхожу из того, что в каждом человеке есть что-то хорошее и в заседателях тоже. А если взять секретаря, то он вообще человек современный и хорошо образованный. Знает наизусть Тютчева, дома носит джинсы и любит джаз. И, как вы сами слышали, почти свободно говорит по-английски.

ЛАРИСА. Как приятно все это слышать! Это внушает надежды, что с новыми людьми придут новые веяния. Как вы думаете, может быть, они его оправдают?

БАРД. Кого?

ЛАРИСА. Я имею в виду моего мужа.

БАРД. Оправдают вашего мужа? Нет, я не думаю. Понимаете, система уже сложилась и если не судить вашего мужа, то

что тогда делать председателю, заседателям, секретарю, адвокату, охранникам?

ЛАРИСА. Но вы же сами говорили, что они хорошие люди.

БАРД. Ну конечно, хорошие. Но у каждого есть семья, дети, которых надо кормить, растить, ставить на ноги, выводить в люди. *(Поет.)* А если и нету, судьбе навсегда...

ЛАРИСА *(прерывает Барда)*. Да, извините, я вас еще хотела спросить. Если здесь никакой защиты ждать не от кого, то, может быть, обратиться к каким-нибудь заграничным кругам. Я слышала, там сейчас большой шум. Говорят, даже какая-то ассоциация озабоченных ученых... это они так себя называют... создала комитет Подоплекова.

БАРД. Это, конечно, неплохо. Толку не будет, но будет хотя бы шум. Между прочим, эти комитеты тоже в Подоплекове заинтересованы как в подсудимом. Без него им просто нечего делать. *(Поет.)* А если и нету, судьбе навсегда спасибо за краткую честь...

ЛАРИСА. Как я хочу, чтобы моего Сеню выпустили!

БАРД. Вы в этом уверены?

ЛАРИСА. Неужели вы в этом можете сомневаться?

БАРД. Не знаю. Мне кажется, ваше положение в обществе значительно изменилось к лучшему. То вы были просто жена какого-то инженера, а теперь жена известного человека, именем которого называют комитеты.

ЛАРИСА *(сердится)*. Вы ошибаетесь, мне нужен не комитет Подоплекова, а сам Подоплеков. Мне нужен мой муж, а моим детям отец. Мы его любим. И пусть он будет такой, какой есть: маленький, вздорный, неуклюжий. А вы напрасно делаете вид, что вы циник. Вы просто боитесь, но стесняетесь в этом признаться. А вы не стесняйтесь. Бояться не стыдно, стыдно придумывать философию. *(Видя Первого Заседателя, направляется к нему.)*

Первый Заседатель пересекает сцену, отчасти рассуждая сам с собой, отчасти обращаясь к публике.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. И все-таки, несмотря ни на что, я оптимист. Я верю, что постепенно все идет к лучшему. Некоторые люди не умеют анализировать и видеть факты в исторической перспективе. Вот, к примеру, об этом Подошлекове столько шуму, столько крику! Взяли его, видите ли, ни за что, ни про что, на глазах у всех. А вы что хотите? Чтобы взяли, как раньше, ночью. И чтоб никто не видел. Раньше-то брали пачками и без свидетелей. А теперь, ну взяли одного. Зато все остальные сидят и спокойно смотрят. И если не будете заступаться, протестовать, то с вами, скорее всего, ничего не будет. Совсем ничего. Можете спокойно смотреть, а в антракте кушать пирожки с капустой.

ЛАРИСА *(она стояла рядом, ожидая, пока Заседатель закончит свой монолог)*. Гражданин заседатель, извините за беспокойство. Мне хотелось бы узнать насчет прокурора. Как он?

ЗАСЕДАТЕЛЬ. А вам зачем это знать?

ЛАРИСА. Просто хотелось выяснить, будет ли продолжено заседание.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Конечно, будет. В истории ничто никогда не остается незавершенным, все доходит до своего логического конца.

ЛАРИСА. Ну, в общем смысле я это понимаю, но если насчет заседания, так оно же не может продолжаться без прокурора.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Что-то вы такое, гражданка, плетете непонятное. Конечно, без прокурора не может, но вопрос-то решается просто: не будет этого прокурора, назначат другого. Без прокурора не останемся, не беспокойтесь.

ЛАРИСА. Да я, собственно, и не беспокоюсь. Я только хотела вас попросить: когда вы будете решать судьбу моего мужа, вы должны помнить, что это прекрасный человек, талантливый инженер, идеальный семьянин.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Слушайте, зачем мне все это знать?

ЛАРИСА. Но должны же вы иметь представление о человеке, судьбу которого вы будете решать.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Да ничего я не буду решать. Моя роль сводится только к тому, чтобы кивать головой. Мне что-то говорят, я не слушаю, я киваю.

ЛАРИСА. Но может быть, в некоторых случаях вам говорят что-то такое, с чем вы по вашим убеждениям не можете согласиться.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Что вы, гражданка! Я по моим убеждениям могу согласиться со всем. Кто я? Никто, просто пешка. Если я не буду кивать, меня заменят другим, который будет, и ничего не изменится. Во всяком случае сейчас. Но если говорить об исторической перспективе, то в этом смысле я в будущее смотрю с оптимизмом. Мы уйдем, на наше место придут другие, энергичные люди. Они будут образованнее и, может быть, даже умнее нас. Они многое исправят и улучшат.

ЛАРИСА. Да, когда-нибудь они, может быть, что-то исправят. Но что мне делать сейчас? Как мне сегодня бороться за моего мужа?

ЗАСЕДАТЕЛЬ. А никак. Никак не надо бороться. Поверьте мне, когда-нибудь все само собой образуется. Так или иначе, но все идет к лучшему. Конечно, не сразу, но лет через двести-триста таких процессов уже не будет, будет что-то другое.

ЛАРИСА. Вы такими масштабами меряете. Двести-триста. Я же не черепаха. Я до этого не доживу.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Это неважно, что вы не доживете. Я говорю об общей исторической перспективе, на которую я смотрю в общем-то с оптимизмом. *(Уходит.)*

3

Второй Заседатель быстро идет по сцене. Видит Ларису и пытается уклониться от разговора.

ЛАРИСА. Здравствуйте.

ЗАСЕДАТЕЛЬ *(вынужденно)*. Здравствуйте. *(Пытается обойти Ларису.)*

ЛАРИСА *(загораживая дорогу)*. Извините, у меня к вам просьба.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Да что вы пристааете ко всем со своими просьбами. Надо же какая, никому не дает проходу.

ЛАРИСА. Что значит никому? Вы же заседатель.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Ну заседатель, заседатель. Но сейчас я, как видите, не заседаю, а хожу, сейчас я прохожий.

ЛАРИСА. Я понимаю, что сейчас вы прохожий. Но когда вы будете заседать, тогда к вам и вовсе не подступиться.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Ну хорошо, хорошо. Что вы хотите?

ЛАРИСА. Я только хотела сказать, что мой муж Подошников...

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Я знаю, вы хотите сказать, что ваш муж невиновен.

ЛАРИСА. Конечно же, не виновен.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Ну и что, что невиновен? Это все знают. Я знаю, вы знаете, они *(показывает на зал)* знают.

ЛАРИСА *(растерянно)*. А если знаете, зачем вы его судите?

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Что значит зачем? А что же нам еще делать, если мы ничего другого делать не умеем?

ЛАРИСА. В таком случае вы его посудите немного, а потом оправдайте. И председателю скажите, что мой муж ни в чем не виновен.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Я такое скажу председателю? *(Громко смеется.)* Да вы что, за сумасшедшего меня принимаете?

ЛАРИСА. Ну почему же за сумасшедшего? Я принимаю вас за честного и порядочного человека.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Ай-яй-яй, какие слова! Честный и порядочный! Я, может быть, не честный и не порядочный, но и не сумасшедший. *(Сердится.)* Вы когда говорите, когда призываете меня, вы думаете своей головой, к чему призываете? Ну представьте, допустим, я сделаю, как вы говорите...

ЛАРИСА. О, это было бы очень хорошо!

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Кому хорошо? Вам?

ЛАРИСА. Всем. Если бы вы подняли свой голос, это, знаете, произвело бы какой общественный эффект? Это оздоровило бы обстановку.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Ой, что я слышу! Уши вянут! Да как я могу поднять свой голос. Да меня тут же скрутят в бараний рог. И вам не помогу, и сам пропаду ни за грош. *(Махнув рукой, идет дальше, бормоча про себя)*. Общественный эффект, поднять голос...

ЛАРИСА. Слушайте, а что же мне делать?

ЗАСЕДАТЕЛЬ *(останавливаясь)*. Вам? *(Возвращается и, приложив ладонь ко рту, громким шепотом.)* Бежать!

ЛАРИСА. Бежать? Куда? Как?

ЗАСЕДАТЕЛЬ *(оглядываясь)*. Куда угодно и как угодно. Здесь сидеть нечего. Здесь никогда ничего хорошего не будет. Люди деградируют, система разложилась, никаких изменений не будет ни сейчас, ни через двести, ни через триста, ни через тысячу лет.

ЛАРИСА. Неужели вы думаете, что ничего нельзя изменить? Но если бы мы все сообща взялись за дело...

ЗАСЕДАТЕЛЬ *(морщится)*. Слушайте, бегите и как можно скорее.

ЛАРИСА. Как?

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Как угодно. Достаньте путевку на турпоездку, надуйте воздушный шар, выйдите замуж за иностранца.

ЛАРИСА *(смеется)*. Скажете тоже. Не могу я выйти за иностранца, я уже замужем. Я буду добиваться освобождения моего мужа, а не добьюсь, буду ждать его возвращения.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Какие глупые и возвышенные слова! Она будет ждать! Да вы знаете, что это значит? Это значит, что вы из года в год будете писать жалобы и получать ответы, и писать жалобы на ответы и добиваться в приемных, чтобы вам разрешили поехать за тридевять земель, поговорить с ним через стекло и передать ему пару теплых носков.

ЛАРИСА. Да и я буду это делать, если моему мужу это будет необходимо.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Да, сейчас ему это будет необходимо. Но потом он горько пожалеет об этом.

ЛАРИСА. Почему же это он пожалеет?

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Неужели непонятно? Он просидит свои семь или десять лет, намучается, настрадается, он будет видеть вас в своих эротических снах такую, какая вы сейчас, молодую и сочную, а его у ворот свободы встретит измученная пожилая женщина с седыми волосами, впавшим животом и обвисшей грудью.

ЛАРИСА. И вы думаете, он меня бросит? Вы не знаете моего мужа. Он благородный.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Тем хуже для него и для вас. Вы будете стареть, сохнуть без любви, без ласки, из благородства, а он потом из благородства будет жить со старой иссохшей женщиной.

ЛАРИСА. О, Господи, да что это вы говорите? Вы меня так расстроили.

ЗАСЕДАТЕЛЬ. А вы не расстраивайтесь, вы бегите.

ЛАРИСА. Ну как же бежать? Каким способом?

ЗАСЕДАТЕЛЬ. Если бы я знал каким, вы бы сейчас говорили с кем-то другим. *(Резко повернувшись, уходит.)*

4

Появляется Председатель. Медленно и тряся головой, идет вдоль сцены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Все-таки мир устроен несправедливо. Почему какой-то темный и необразованный горец в каком-нибудь своем кишлаке без всяких врачей живет сто пятьдесят лет, а у меня, несмотря на то положение, которое я занимаю, все болит, руки дрожат, голова трясется, весь организм разваливается... Почему? Почему природа не устроила так, чтобы продолжительность жизни человека зависела от его значения?

ЛАРИСА. Извините, пожалуйста, что я прерываю ваши размышления...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А вы кто?

ЛАРИСА. Подоплекова Лариса. Жена подсудимого Подоплекова...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А этого, который из ружья стрелял?

ЛАРИСА. Да он не стрелял, я вас уверяю. У него и ружья-то никогда не было. Он только цитировал Чехова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну, а зачем же было цитировать? Мало ли, кто какую глупость скажет. Зачем же ее повторять?

ЛАРИСА. Я с вами согласна, но все-таки надо иметь в виду главное, что он не только не стрелял, но даже не собирался.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну и правильно, правильно. Зачем в нас стрелять? Мы и сами скоро сойдем. Придут новые поколения. Может, они вам больше понравятся.

ЛАРИСА. Скажите, а прокурору что, правда, плохо?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А кому сейчас хорошо? Да что прокурор! Все-таки он по должности ниже меня, а я тоже не очень здоров. Странно все-таки. Где бы я ни появился, меня везде охраняют. Везде принимаются строжайшие меры безопасности, чтобы какой-нибудь сумасшедший террорист не бросился на меня с ножом или пистолетом. А какой-нибудь жалкий микроб, какой-нибудь ничтожный вирус, которого даже в микроскоп нельзя разглядеть, свободно проникает в мой организм, грызет печень и почки, и ему нет никакого дела до того, что я занимаю такое важное положение, что если я умру, это будет такая потеря для общества.

ЛАРИСА. Да, да, это будет огромная и невосполнимая потеря.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Извините, мне нужно по-маленькому. Тут где-то была Лиза Чайкина. Как вы думаете, под ней можно это сделать?

ЛАРИСА. Конечно, можно. Тем более вам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но я боюсь, что там люди. Может быть, они смотрят?

ЛАРИСА. А вы плюньте на них. Не обращайтесь внимания. Я вас загорожу. *(Председатель подходит к статуе Фемиды. Лариса его загораживает.)* Слушайте, вы, конечно, извините, что я вас отрываю от важного дела... Но вам не кажется, что моего мужа арестовали несправедливо?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Конечно, несправедливо.

ЛАРИСА. Очень рада это от вас слышать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А вот скажите мне, у вас почки не болят?

ЛАРИСА. Почки? Нет, пока, кажется, не болят?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вот. А у меня болят. Это разве справедливо?

ЛАРИСА. Да, это, конечно, очень несправедливо, но это, как говорится, от Бога. *(Спохватившись.)* Извините, я вообще-то неверующая...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В данном случае это неважно. Но если Бог так несправедливо все устроил, чего же вы ждете от нас, от людей?

ЛАРИСА. Да, вы правы, но все-таки и во мне и, наверное, даже в вас есть чувство сострадания, которое вам хотелось бы удовлетворить. А тем более, если вы чувствуете, что у вас возраст, почки и путь ваш так или иначе подходит к концу, так не лучше ли облегчить свою душу каким-нибудь добрым поступком?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Темная женщина! Неужели вы до сих пор не осознали, что никакой души нет, а есть только химическое соединение белковых тел.

ЛАРИСА. Я с вами совершенно согласна, но все-таки каждому человеку, даже если он считает свою жизнь всего лишь движением материи, хочется оставить о себе хорошую память.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(застегиваясь)*. Какое невежество! Да кто помнит хорошее? Люди такие существа, что их надо давить, травить, делать им как можно больнее, вот тогда они что-то запоминают.

ЛАРИСА. Я с вами совершенно согласна, но все-таки...

К Председателю подбегает Секретарь.

СЕКРЕТАРЬ *(Ларисе)*. Извините. *(Быстро шепчет Председателю что-то в провод.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ага. Вот оно что. *(Ларисе.)* Было интересно, но надо идти. Один человек, кажется, собирается оста-

вить о себе хорошую память. (*Уходит, поддерживаемый Секретарем.*)

ЛАРИСА (*вслед*). Гражданин председатель. Я совсем забыла, я хотела у вас попросить свидание с моим мужем. Я хотела бы его повидать. Передать теплые вещи, гостинцы...

СЕКРЕТАРЬ (*вернувшись, торопливо*). Ничего! Вот прокурор умрет, и все будет хорошо.

ЛАРИСА. Нет. В это я уже не верю. Один умрет, другого назначат. Ждать некогда. Надо обратиться к общественности.

5

Появляется Ученый.

УЧЕНЬЙ (*на ходу*). Преобразование природы — вот главное и достойное человека дело. Повернуть вспять сибирские реки. Напоить Енисеем безводные просторы пустыни Каракум, чтобы она стала цветущим садом. Построить гигантский водопровод и перекачать байкальскую воду в озеро Балатон. Путем направленных термоядерных взрывов растопить ледяной покров Антарктиды, превратить четырнадцать миллионов квадратных километров ее территории в цветущий сад. Снести всю тайгу, засадить фруктовыми деревьями, превратить в цветущий сад...

ЛАРИСА. Простите, пожалуйста, вы ученый?

УЧЕНЬЙ. Да, я ученый.

ЛАРИСА. Я верю, вы мне поможете. Вы занимаете важное место в обществе. Вы, вероятно, даже близки к правительству.

УЧЕНЬЙ. Ну, не следует преувеличивать, но, естественно, что к моему мнению правительство иногда прислушивается.

ЛАРИСА. Это счастье, что я вас встретила. Вы мне поможете. Вы замолвите словечко за моего мужа.

УЧЕНЬЙ. А что, собственно, с вашим мужем случилось?

ЛАРИСА. Видите ли, его арестовали.

УЧЕНЫЙ. А-а, арестовали. Ну, подумаешь. Я думал, действительно, что-то серьезное.

ЛАРИСА. Да, но понимаете, его арестовали совершенно ни за что. И если вы используете ваш авторитет...

УЧЕНЫЙ. К сожалению, никак не могу. От меня правительство ждет грандиозных планов, а я приду к ним с какой-то ерундой. *(Идет дальше.)* Я уж не говорю об Антарктиде. Но хоть бы Енисей дали повернуть для начала... *(Уходит.)*

6

На сцену выходит Поэт, одетый весьма живописно. Одна половина брюк у него розовая, другая – салатного цвета, свитер тоже разноцветный, а на шее белоснежный шарф.

ПОЭТ *(бормочет на ходу)*.

Одна девчонка
В дыму вальсирует,
Висок под локоном
Ее пульсирует...

ЛАРИСА. Какие трогательные стихи! И очень хорошие рифмы: вальсирует—пульсирует. Очень, очень хорошо!

ПОЭТ *(останавливается, смотрит на Ларису с интересом. Игриво)*. Откуда вы, прелестное дитя?

ЛАРИСА. Я Лариса Подоплекова. Тут, вы видели, моего мужа судили.

ПОЭТ *(насторожился)*. Вашего мужа? Ах да, вашего мужа. *(Оглянувшись, шепотом.)* Ну что же. Я вам желаю... Держитесь! *(Пытается уйти.)*

ЛАРИСА. Я вас прошу... Подождите! Вы мне должны помочь!

ПОЭТ. Я вам пока могу помочь только советом. Наберитесь терпенья и ждите. Скоро все переменится. У меня наверху

есть связи... Там один чувак... Я ему сам вожу джинсы, виски... Он Агату Кристи в подлиннике читает.

ЛАРИСА. Это очень приятно слышать. Но ждать некогда. Вы слышали, что прокурор сказал?

ПОЭТ. Ну мало ли кто чего сказал. Меня вообще местные проблемы не интересуют. Меня сейчас волнует ситуация в Чили. Вот вы послушайте. *(Читает нараспев.)*

Тонка чилиечка
И узкогруда...
Уткнулась личиком
В стихи Неруды,
Но пиночетовец
Поднял винчестер,
Он метит, падлю,
В меня и в Пабло...

ЛАРИСА. Замечательно! У вас такой боевой пафос. А вы не можете его направить против местных порядков? Написали бы что-нибудь такое... Сегодня здесь, неподалеку был арестован Подошлеков... Или как-нибудь иначе... я не поэтесса, я не знаю...

ПОЭТ *(шепотом)*. Неужели вы не понимаете, что именно об этом я все время и пишу? Когда я пишу „чилиечка”, я же вас имею в виду. А пиночетовец неужели вам никого не напоминает?

ЛАРИСА. Я все поняла. Вы имели в виду прокурора?

ПОЭТ *(игриво)*. Я сразу заметил, что в вас что-то есть. Слушайте, давайте я на всякий случай запишу ваш телефончик.

ЛАРИСА *(грустно)*. К сожалению, после ареста Сени мой телефон отключили.

ПОЭТ. Вот как! *(Возвышенно.)* Слушайте, волшебница, вы подарили мне строчку! *(Торопливо целует Ларису и быстро уходит, сочиняя на ходу.)* А в Чили сонно скрипят уключины, и телефоны у всех отключены...

Появляется Писатель, бородатый и с посохом.

ПИСАТЕЛЬ (*ворчливо*). Эти городские об чем заботятся? Телефон у них отключили, так они и из этого проблему делают. Раньше-то, бывало, люди без всяких телефонов жили и ничего. Зато лошадей имели, коров. А на игрища когда девки-то с парнями-то собирались, они руки не для того использовали, чтобы, понимаете, телефоны накручивать. Сейчас, конечно, все слишком ученые стали. Уже и до того додумались, чтобы нашу русскую реку повернуть к азиатам. А как же! Прогресс!

ЛАРИСА. Здравствуйте.

ПИСАТЕЛЬ. Здравствуйте.

ЛАРИСА. А я вас узнала. Вы писатель. Я вашу фотографию на обложке роман-газеты видела.

ПИСАТЕЛЬ. Это возможно. Я там свой роман опубликовал о колхозизации.

ЛАРИСА. Вот, вот. Я роман не читала, но фотографию видела. Так вот я и подумала, что может быть, вы как писатель поможете. Обратитесь в инстанции, призовете общественность, ударите, так сказать, в набат.

ПИСАТЕЛЬ. Набат, набат. Где ж он нонче, набат-то этот? Раньше-то бывало, когда идешь по сельской-то местности, особенно если в светлое воскресенье или другой какой-то праздник, так от деревни до деревни тебя колокола встречают и провожают, поют, понимаете, на разные голоса. А колоколенки-то, колоколенки! Одна, понимаете, краше другой. Так надо же, все носносили! Троцкисты, военнопленные, и другие нерусской национальности. Религия, говорят, опиум для народа. Нет, я не спорю, я сам человек партийный, я понимаю, что опиум. Но помимо-то опиума, это ж душа народная жила в тех колоколенках и колоколах. А теперь что? Никаких тебе колоколен, никаких колоколов, только трактора, как вши, извиняюсь, ползают да фырчат: фыр-фыр-фыр. Землю железом давят, структуру почвы,

понимаете, разрушают. Ах! *(Безнадежно махнув рукой, пытается уйти.)*

ЛАРИСА. Подождите, прошу вас. Я прошу заступиться за мужа моего.

ПИСАТЕЛЬ. Это за Подоплекова, что ли?

ЛАРИСА. Так вы его знаете?

ПИСАТЕЛЬ. Что значит знаю. Сидел тут, смотрел на выдумки на городские.

ЛАРИСА. Значит, вы все сами видели, вам и объяснять не надо. Помогите, я вас прошу!

ПИСАТЕЛЬ. Чудной все же народ живет в городах. Ну как же я вам помогу? Я ведь ваших городских дел полностью не понимаю. Я в деревне живу. Сажу себе на сеновале, перышком поскрипываю. Ну иногда, понимаете, съездишь по делам в Москву, в Париж, в Лондон, в Коктебель, в Пицунду, и опять домой, в деревню, на сеновал. Надо же, понимаете, работать, дело свое делать надо.

ЛАРИСА. Но вы же писатель. Вы же совесть народа. Некрасов, помните, говорил: „Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан”.

ПИСАТЕЛЬ. Как же, помню завет нашего классика и соблюдаю. И даже отрываясь от своих непосредственных дел, по гражданской линии выступаю. За тот же Енисей бороться приходится, а также таежного гнуса спасать.

ЛАРИСА. Кого спасать?

ПИСАТЕЛЬ. Комар есть такой, таежный. Он геологов ваших, городских, кусает, вот они и выдумывают, войну этому гнусу, понимаете, объявили. С самолетов его химией травят. А того понять не хотят, что природа без гнуса существовать-то не может. Я об этом и статью опубликовал в „Литературке”. Не читали?

ЛАРИСА *(виновато)*. Нет, как-то пропустила.

ПИСАТЕЛЬ. Ну вот видите, роман не читали, статью пропустили, а про Подоплекова своего не забываете. *(Пытается уйти.)*

ЛАРИСА. Я статью вашу прочту. И роман тоже. Но помогите, пожалуйста.

ПИСАТЕЛЬ (*возвращается*). Слушайте, а вы в Бога веруете?

ЛАРИСА. Не знаю. Не вижу нигде его присутствия. Да вы и сами говорили, что религия — опиум.

ПИСАТЕЛЬ. Оно-то, конечно, опиум. Но и опиум люди для чего-то употребляют. Да и о нравственной опоре надо подумать. Я хотя и коммунист и в партийном бюро состою, но крест всегда ношу на себе. Одно другому, я думаю, не мешает. Ведь в наше-то время научных всяких, понимаете, достижений и спутников глупо даже думать, что все создано из ничего и ни для чего. Даже дерево для чего-то, понимаете, создано. Поглощает углекислый газ и выделяет для нашего дыхания кислород. (*Уходит.*)

ЛАРИСА (*выходит на авансцену*). Ни от кого ничего не добьешься. Все заняты своим, все чего-то спасают. Даже какого-то гнуса спасают, а Подошлекова спасти некому. Если бы я была верующая, я бы помолилась. Я бы сказала, Господи, ну помоги же! Если люди не хотят помогать друг другу, для чего же ты их создал? Для того, чтобы поглощать кислород? И выделять углекислый газ? Чтобы деревьям было чем дышать? Чтобы таежному гнусу было кого кусать? Помогите же, Господи!

Гаснет свет. Сверкает молния. Раздается оглушительный удар грома. И опять вой сирены, шуршание шин и тревожный блеск мигалки. Сцена снова освещается и на нее выбегает возбужденный Секретарь.

СЕКРЕТАРЬ (*победоносно*). Вы слышали? А прокурор все-таки умер!

ЛАРИСА. Не может быть!

СЕКРЕТАРЬ. Умер, умер! Точно вам говорю!

ЛАРИСА. Какое счастье! Какое счастье! Дайте, я вас расцелую. (*Обнимая Секретаря, плачет и смеется одновременно.*)

Спасибо вам. Спасибо.

СЕКРЕТАРЬ (*смущенно*). Ну что вы! Что вы! Я всегда рад принести хорошую новость.

ЛАРИСА. Но теперь-то уж все будет хорошо. Теперь-то, наверное, объявят амнистию и моего Сеню освободят.

СЕКРЕТАРЬ (*освободившись от объятий*). Не знаю, я не уверен.

ЛАРИСА. Вы думаете, что нет?

СЕКРЕТАРЬ. Я просто не знаю. (*Уходит.*)

ЛАРИСА (*одна*). Неужели ничего не изменится?

СЕКРЕТАРЬ (*возвращается, кладет ей руку на плечо*). Ну ничего. Вот председатель умрет, и тогда все будет хорошо.

8

Сцена затемняется. Слышны приближающиеся звуки духового оркестра. Исполняется похоронный марш Шопена. Сцена высветляется. Обстановка крематория. В глубине те же портреты, но один из них – Прокурора – в траурной рамке. Появляется председатель с траурной повязкой на рукаве. За ним Горелкин, Поэт, Зеленая и Терехин несут венки. За ними заседатели, Защитник и Секретарь вносят гроб, на котором большими красными буквами написано: „ПРОКУРОР”. За гробом идет Лариса, за ней появляется Рабочий сцены с молотком.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*командует*). Так. Опускайте! Осторожней, осторожней, не наклоняйте. Вот так. (*Выходит на авансцену.*) Вот видите, умер. Слово для прощания с покойным предоставляется представительнице коллектива НИИ железобетонных конструкций товарищу Соленой.

СЕКРЕТАРЬ (*в провод*). Зеленой, товарищ председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну, Зеленой.

Зеленая выходит вперед. В строгом черном платье и в черном платочке она кажется выше и тоньше, чем обычно.

ЗЕЛЕНАЯ. Товарищи, нас постигла тяжелая и невосполнимая утрата. Навсегда ушел прокурор. Он был чуткий, заботливый и принципиальный товарищ. Он много внимания уделял нашему коллективу, в котором, если сказать честно, еще до недавнего времени процветала атмосфера благодушия, ротозейства и головотяпства. Конечно, у нас еще есть некоторые недостатки, но мы их упорно и успешно изживаем. И за это за все наш низкий поклон покойному. *(Читает нараспев, торжественно.)* Пускай ты умер, но в сердце сильных и смелых духом всегда ты будешь живым примером, призывом ярким к свободе, к свету...

Пока она читает, Рабочий по знаку Председателя заколачивает крышку гроба. Зеленая отходит. Председатель делает знак, площадка с гробом опускается. Из открытого люка поднимаются клубы дыма. Автоматчики стреляют в воздух.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(печально)*. Вот вы, наверное, смеетесь. Вы думаете, подумаешь прокурор. Один умер, другого найдут. Это, конечно, правильно, но все-таки другого такого найти не так-то просто. Он был романтик, идеалист. Он даже взятки не брал. Он думал только о том, чтобы ды-ды-ды и ни о чем больше. Нет, я не спорю, сейчас тоже есть много таких, которые готовы ды-ды-ды-ды. Но иной делает ды-ды-ды-ды, а сам думает, как бы под шумок еще одну дачу урвать или племянника протолкнуть в дипломаты. А мы, старая гвардия, постепенно сходим со сцены, иногда даже забывая, зачем пришли. Кстати, зачем мы здесь? *(Думает, машет рукой.)* Не помню. Помню только, что здесь где-то статуя была. Какая-то женщина. Долорес Ибаррури, что ли? Помню только, что, как увижу ее, всегда возникает желание. *(Расстегивая штаны, направляется к Фемиде.)*

СЕКРЕТАРЬ. Товарищ председатель, туда нельзя! Там люди!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ах, опять люди! Ну, убрали бы людей. *(Поворачивается и идет к открытому люку.)*

СЕКРЕТАРЬ. Товарищ председатель, сюда тоже нельзя. Вам туда надо. *(Указывает на ватерклозет, но, проводя Предсе-*

дателя мимо люка, сталкивает его вниз.) Товарищ председатель, куда же вы?

Из люка валит дым и пахнет жареным.

КРИКИ. Ах! Ах! Председатель! Он провалился! Он горит! Выключите электричество! Скорую помощь! Пожарных!

Дым, темнота, крики, вой сирены и блеск мигалки. Свет. Духовой оркестр, ордена, венки. Оставшиеся в живых члены Трибунала проносят через всю сцену гроб с надписью „ПРЕДСЕДАТЕЛЬ”. За сценой слышен звонкий голос Зеленой: – Пускай ты умер, но в песне сильных и смелых духом всегда ты будешь...

9

Затемнение. Свет. Та же обстановка, те же портреты, но теперь два из них в черных рамках. На сцену выходит Бард и без всяких предисловий поет:

- Ах, здравствуйте!
- Ах, здравствуйте!
- Ну как вы поживаете?
- Спасибо, потихонечку живем.
- Зарплату получаем,
- Налево промышляем
- И кое-что по благу достаем.

ПРИПЕВ:

- Ну хорошо. А что еще?
- А ничего.
- Ну хорошо. А что еще?
- А ничего.
- Ну хорошо.

— Скажите мне, пожалуйста...
— Пожалуйста, пожалуйста.
— Как поживает милый ваш сосед?
— Неплохо поживал он,
Но кость не прожевал он
И подавился давеча в обед.

ПРИПЕВ.

— Что говорит природа
По части недорода?
И как у вас погода?
— Ах, что за разговор!
То ведро, то ненастье,
И к общему несчастью
Скончались в одночасье
Судья и прокурор.

ПРИПЕВ.

Да что же это делается?
Да что за наказание?
Когда такие люди
Да стали помирать,
На что же нам надеяться
При нашем-то питании,
При наших-то возможностях
На что нам уповать?

ПРИПЕВ:

— Ну хорошо. А что еще?
— А ничего.
— Ну хорошо. А что еще?
— А ничего.
— Ну хорошо.

На сцену со „Спидолой“ в руках выбегает Лариса.

ЛАРИСА. Вы слышали? Сногшибательная новость! Новым председателем назначен Секретарь.

БАРД. Да, это любопытно.

ЛАРИСА. Говорят, он очень активный, стремится к переменам и уже произвел некоторые перестановки. Теперь левый заседатель будет сидеть на месте правого, а правый на месте левого.

БАРД. Ну что ж. От этого, конечно, ничего не изменится, но все-таки хоть какое-то оживление обстановки.

ЛАРИСА. Неужели ничего не изменится? Ведь он, говорят, интеллигентный, образованный, ходит исключительно в джинсах, а по-английски, я сама слышала, говорит почти что свободно. И вообще про него ходят слухи, что он очень большой либерал. Как вы думаете, может председатель быть либералом?

БАРД. Ну почему же нет? Все люди, которые говорят по-английски, в какой-то степени либералы.

ЛАРИСА. Ваши слова воскрешают во мне надежду. Я уверена, что новый председатель начнет с того, что освободит моего Сеню.

БАРД (*приложив палец к губам*). Тсссс!

10

Затемнение. Вой сирены, блеск мигалки, визг тормозов. Свет. На сцену, сопровождаемый Заседателями и Защитником, стремительно врывается новый Председатель. Он в джинсах, кедах и майке, на которой написано: „I like hamburger“.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*небрежно слушая сопровождающих, отрывисто*). Велл. Гуд. Окей. Невер майнд. (*На ходу.*) Нам надо преодолеть отставание, усилить дисциплину, улучшить воспитательную работу, покончить с коррупцией и самым решительным образом реформировать нашу судебную систему. Мы должны самым решительным образом бороться с прогулами, опозданиями, алкоголизмом, воровством, взя-

точничеством и влияниями чуждой идеологии. Необходимо навсегда покончить с равнодушием, благодушием, ротозейством и головопаятством.

ЛАРИСА (*появляясь на пути Председателя*). Здравствуйте.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*недовольно*). Здравствуйте.

ЛАРИСА. От всей души поздравляю вас с выдвижением на ваш высокий пост.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*холодно*). Спасибо. И что вам угодно?

ЛАРИСА. Я только хотела узнать, когда вы освободите моего мужа? Я и мои дети, мы так по нему соскучились.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А с какой стати я должен освобождать вашего мужа? Что же мне, по-вашему, больше делать нечего, как освобождать вашего мужа?

ЛАРИСА (*торопливо*). Пожалуйста, не сердитесь на меня. Я понимаю, что у вас очень много новых обязанностей, но все-таки, вы же понимаете, речь идет о судьбе человека. А вы такой образованный, по-английски спикаете и вообще все про вас говорят, что вы либерал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да? Про меня так говорят? (*Свите.*) А ну-ка, отойдите! (*Члены суда отдаляются.*) Ну да, конечно, я либерал, но члены суда остались те же самые. И поэтому я свой либерализм тщательно скрываю и вам о нем напоминать не советую. (*Членам суда.*) Идите сюда. Что происходит в нашей системе? Почему она работает не эффективно? Почему пресловутый Подоплеков до сих пор не осужден?

ЗАЩИТНИК. Прошу простить, товарищ председатель, но мы были заняты похоронами наших старших коллег.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Отговорки! Вам любой повод хорош, лишь бы не работать. Все по местам! (*Заседатели и Защитник занимают свои места.*) Где Горелкин?

ГОЛОС ГОРЕЛКИНА. Я здесь!

Санитары вносят Горелкина.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы что, все еще нездоровы?

ГОРЕЛКИН. Так точно, все еще при смерти.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хватит симулировать. Доставьте сюда подсудимого!

ГОРЕЛКИН. Слушаюсь!

Горелкин вскакивает с носилок и бежит за кулисы. Санитары уходят. Горелкин вывозит из-за кулис клетку с Подоплековым.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*заняв место между двумя заседателями, устало*). Продолжается слушание дела Подоплекова. Подоплеков, вы с новым составом суда согласны?

ПОДОПЛЕКОВ. Мне все равно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Велл, если вам все равно, нам тем более.

ЗАЩИТНИК. Товарищ председатель, но можем ли мы вести заседание в отсутствие прокурора?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если он отсутствует по уважительным причинам, конечно можем. А впрочем, мы должны больше опираться на поддержку общественности. (*В зал.*) Слово предоставляется общественному обвинителю товарищу Зеленой. Здесь она?

ЗЕЛЕНАЯ (*поднимаясь на сцену*). Я всегда здесь. (*В зал.*) Товарищи, мне поручено заявить, что наш коллектив испытывает чувство огромной ответственности и вины, что мы проявили слишком много благодушия, ротозейства и головотяпства, утратили всякую бдительность, благодаря чему в наши ряды затесался столь чуждый и враждебно настроенный ко всему нашему человек. Признаться, в самом начале процесса, когда начался разбор деятельности Подоплекова, мы отнеслись ко всему с некоторым недоверием, мы не могли себе даже представить, что он на самом деле такой. Конечно, мы все видели и слышали, как он тут речи всякие произносил, угрожал ружьем и напал на милиционера. Но мы думали, это, может быть, просто так, он просто перенервничал, сорвался. А теперь мы видим, что это не просто так, это стройная и последовательная линия поведения. Сначала произносит враждебные речи, потом угрожает ружьем, потом нападает на милиционера, а затем продолжает терроризировать членов трибунала, настолько даже, что прокурор и председатель не выдержали и... Ужас, что происходит! Нам

стыдно, что мы не разглядели в своей среде такого злобствующего индивидуалиста. И я думаю, что суд должен сделать выводы и наказать Подошлекова самым строгим образом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну что значит самым строгим? Расстрелять его, что ли?

ЗЕЛЕНАЯ. Ну, если суд сочтет возможным, можно и расстрелять.

КРИКИ ИЗ ЗАЛА. Мало!

ЗЕЛЕНАЯ. Ну, может быть, и мало, я не знаю. Я в этих делах не разбираюсь, и все-таки мы как-то долго вместе работали... Я не могу... *(Прикладывая к глазам платок, покидает сцену.)*

ЛАРИСА *(выскакивает на сцену. Судьям).* Нет, вы этого не сделаете! Вам ваша совесть не позволит расстрелять отца двух детей только за то, что он что-то не так сказал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слушайте, кто вам разрешал сюда подниматься? И прекратите заниматься демагогией. Мало ли у кого сколько детей! О детях, прежде чем идти сюда, надо было подумать.

ЗЕЛЕНАЯ *(вернувшись на сцену).* А по-моему, таких людей надо вообще лишиться родительских прав. Мы не можем им позволить портить нашу смену.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищ Зеленая, вы уже закончили ваше выступление и прошу покинуть сцену. *(Ларисе.)* И вас тоже. *(Кричит.)* Горелкин!

ГОРЕЛКИН *(выбегает на сцену).* Я здесь!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Пожалуйста, очистите сцену от посторонних.

ГОРЕЛКИН. Слушаюсь! *(Подталкивая Ларису и Зеленую.)* Попрошу удалиться.

Все трое исчезают за кулисами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжаем прения сторон. Слово имеет представитель защиты. *(Защитнику.)* Только, пожалуйста, покороче.

ЗАЩИТНИК. Я постараюсь. Товарищи судьи, как правильно

отметил в своей великолепно аргументированной речи покойный прокурор, мы живем в знаменательную эпоху, когда...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищ защитник, забудьте этот старый отживший стиль. Не надо этой цветистости. Излагайте самую суть.

ЗАЩИТНИК (*торопливо*). Хорошо, хорошо. Товарищи судьи, прежде, чем рассмотреть и проанализировать деяния моего подзащитного, я хотел бы вкратце обрисовать условия, в которых он рос и воспитывался. Его детство прошло...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищ защитник, его детство давно прошло. Давайте ближе к нашему времени.

ЗАЩИТНИК. Хорошо, хорошо. Товарищи судьи, для того, чтобы понять мотивы действий моего подзащитного, нам необходимо бросить хотя бы беглый взгляд на те условия, в которых он жил и работал...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Товарищ защитник, не надо этого. Он работал и жил, как все. В обыкновенных условиях. Давайте покороче. Вы просите для него снисхождения?

ЗАЩИТНИК. Совершенно верно. Я прошу для него снисхождения. Я уверен, что в глубине души он глубоко раскаивается в содеянном.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А это мы у него сейчас спросим. Подсудимый, вам предоставляется последнее слово. Что вы можете сказать в свою защиту?

ПОДОПЛЕКОВ. После всего, что было, я даже не знаю, что сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы можете ничего не говорить. Это ваше право, а не обязанность.

ПОДОПЛЕКОВ. Я ничего не понимаю. Я никогда не думал, что у нас честного человека могут схватить ни за что ни про что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый, вы опять занимаетесь пропагандой. Не отклоняйтесь, говорите о себе.

ПОДОПЛЕКОВ. А я о ком говорю?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы говорите о каком-то обобщенном честном человеке.

ПОДОПЛЕКОВ. Я говорю об определенном честном человеке, которого вы схватили ни за что ни про что, оторвали от жены, от детей, посадили в клетку, как зверя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*накаляясь*). Подсудимый, я вас еще раз предупреждаю, перестаньте на нас клеветать! Мы этого не позволим! Мы либеральничать с вами не будем!

ПОДОПЛЕКОВ. Конечно, не будете. Разве вы можете либеральничать? Вы же можете проявлять свою власть только в том, чтобы хватать, сажать, давить человека. А зачем? Вы и сами не знаете, не помните, для чего вы все это создавали и к чему хотели придти. Вы говорили, что построить то, что вы собирались построить, нельзя без жертв. И вы жертвовали, жертвовали, жертвуете и сейчас, уже забыв, для чего, зачем...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Шот ап! Подсудимый, я вас лишаю слова!

ПОДОПЛЕКОВ. Вы лишаете меня слова, потому что именно слова вы больше всего боитесь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я приказываю вам молчать! Заткните ему глотку! Уберите его из зала!

Горелкин торопливо заталкивает клетку за кулисы. По сцене проходят два демонстранта с плакатами:

*ПОДОПЛЕКОВА – НА МЫЛО!
СОБАКЕ – СОБАЧЬЯ СМЕРТЬ!*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*в зал*). Суд удаляется на совещание для вынесения приговора.

АНТРАКТ

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

1

На сцене Бард с гитарой.

БАРД (*напевает*).

Течет река
Вода мелка
И мелки наши страсти...
И мы за крохи со стола
Рвем ближнего на части.
Друг друга лупим ни за что
И ни за что терзаем,
И перед тем, как впасть в ничто,
В ничтожество впадаем.

(Прекратив пение.) Вы будете смеяться, но с новым председателем тоже кажется не все в порядке. Он давно уже не

появляется на людях, и, как говорят сведущие люди, врачи борются за его жизнь. Говорят, у него жесточайший запор. Так это или не так, проверить нельзя, и поэтому распространяются самые противоречивые и иногда даже нелепые слухи, будто, находясь в коматозном состоянии, он все еще успешно осуществляет общее руководство и даже надеется провести в жизнь некоторые из своих оригинальных идей. Впрочем, я лично слишком оригинальных идей побаиваюсь. Когда их начинают внедрять, мне хочется закопаться поглубже и переждать. *(Поэт.)*

Течет река,
Мерцает дно
И шелестит осока.
Жизнь наша хлопотная, но
Недолгая морока.
Вот скоро устье, а потом
Забвенья неизбежность...
Но перед тем, как впасть в ничто,
Впаду в любовь и нежность.

Появляется Лариса с приемником, исторгающим грохот и свист.

ЛАРИСА. Слушайте, что же это происходит?

БАРД. А что? По-моему, как раз ничего не происходит.

ЛАРИСА. Да как же не происходит? Как же не происходит? Вы только послушайте. *(Ударяет приемником об пол и звуки глушилки сменяются ясным голосом диктора.)*

РАДИО. В западных странах растет волна протеста против бесчеловечного обращения с известным поборником прав человека доктором Подоплековым. В Вашингтоне президент Рейган заявил, что жестокость, проявляемая по отношению к таким выдающимся людям, как Подоплеков, еще раз доказывает неспособность тоталитарных режимов решать без насилия не только внешние, но и внутренние проблемы. В Копенгагене демонстранты разбили витрину Аэрофлота. В

Лондоне женщины из группы „Зеленый мир” устроили сидячую забастовку. Во Франции ассоциация озабоченных ученых создала специальный комитет Подошлекова, в который вошли шесть лауреатов Нобелевской премии. Комитет выпустил специальное воззвание в защиту ученого...

ЛАРИСА (*выключает радио*). Боже мой! Что творится? Зачем вся эта шумиха?

БАРД. А вы хотите, чтобы с вашим мужем покончили без всякого шума?

ЛАРИСА. Я не хочу, чтобы с ним покончили, но я боюсь, что из-за этого шума они еще больше рассердятся.

БАРД. Уверяю вас, они уже сердиты достаточно.

ЛАРИСА. Но что же мне делать?

БАРД. Все зависит от того, желаете ли вы быть женой политического заключенного или просто вдовой. Впрочем, у вас есть шанс. Вам следует обратиться к защитнику. Говорят, что сейчас, в отсутствие председателя, именно он заворачивает всеми делами. И при этом довольно неплохой человек. Бабник, выпивоха и рыболов.

ЛАРИСА. А что вы можете сказать о его здоровье?

БАРД. Это непростой вопрос. Вообще-то он жалуется на тромбоз, боли в сердце и мозговые спазмы, но, возможно, это только уловка. Он мечтает стать председателем, а на эту должность, не имея серьезных болезней, претендовать бесполезно.

ЛАРИСА. И вы думаете, что он мне поможет?

БАРД. Нет, я как раз думаю, что он не поможет. Но все-таки должны же вы что-то делать. А вот, кстати, и он.

2

Защитник в резиновых сапогах и с удочкой через плечо идет вдоль сцены, что-то насвистывая.

ЛАРИСА. Здравствуйте.

ЗАЩИТНИК. Здравствуйте.

ЛАРИСА. Много наловили?

ЗАЩИТНИК. Да нет, ничего не поймал. Но это неважно. Меня во всяком деле интересует не результат, а процесс. А вы что же, радио слушаете?

ЛАРИСА. Да так, знаете, иногда слушаю, когда время есть. „Для вас, женщины” или „Писатели у микрофона”.

ЗАЩИТНИК. Бросьте темнить. Я защитник, но не стукач. И что же там много шума?

ЛАРИСА. Да, шум есть. Какие-то там зеленые женщины, нобелевские лауреаты. Витрину расколотили.

ЗАЩИТНИК. Интересно! Да, интересно! Значит, мы им хорошо наступили на хвост.

ЛАРИСА. Насчет их не знаю, а нам наступили. У меня дети спрашивают, где папа. Я говорю: папа в командировке. А мне Игорь говорит: „Неправда, мне в школе сказали, что папа в тюрьме”. Слушайте, а правда, говорят, что новый председатель тяжело болен?

ЗАЩИТНИК. Да нет, слухи сильно преувеличены. У него насморк, кашель, стенокардия и рак прямой кишки с метастазами в печени. И больше ничего.

ЛАРИСА. Правда? А я очень за него беспокоилась. Вы знаете, мне неудобно отнимать у вас время, но я слышала, что вы теперь играете такую важную роль, и я хотела вас попросить, может, как-то можно освободить моего мужа? Ведь все-таки сейчас там, на Западе, такой шум, такой шум! Он же никому не нужен.

ЗАЩИТНИК. Да, да. Этот шум, это просто ужасно. И я вообще этих людей не понимаю. Ну хорошо, ну посадили кого-то, ну даже несправедливо посадили, но зачем же еще бить витрины?

ЛАРИСА. Совершенно с вами согласна. Но я думаю, что если бы вы моего мужа освободили, этот шум мог бы немедленно прекратиться.

ЗАЩИТНИК *(смеется)*. Ах, какая хитрая женщина! Как будто вы не понимаете, что если мы освободим вашего му-

жа, они там это воспримут как нашу слабость и в следующий раз еще больше побьют витрин. Но если вы действительно желаете вашему мужу добра, поговорите со своим мужем, убедите его, пусть признается, пусть покается, пусть поможет нам убедить этих, которые бьют витрины, что мы все — судьи, прокуроры, защитники и подсудимые — единое и монолитное общество. Пусть он нам поможет, а мы тоже в долгу не останемся.

ЛАРИСА. Вы его освободите?

ЗАЩИТНИК. Ну к чему эта торговля? Впрочем, может быть, даже освободим.

ЛАРИСА. Вы хотите, чтобы я с Сеней поговорила? Но меня же к нему не пускают.

ЗАЩИТНИК. Да, это вообще не полагается. Но в данном случае я думаю, мы это как-то уладим.

ЛАРИСА. Но я не могу ручаться. Сеня, он, знаете, такой самолюбивый, такой гордый и непреклонный.

ЗАЩИТНИК (*растроган*). Моя жена то же самое говорит обо мне. Я знаю, что он гордый и непреклонный. А вы с ним ласково так и по-женски... Вкусенького ему что-нибудь принесите. У вас что-нибудь есть?

ЛАРИСА. Да, да, конечно. Я уже кое-что принесла. Вот видите (*достает из сумки синюю курицу*), это моей маме выдали как ветерану труда.

ЗАЩИТНИК (*брезгливо морщась и слегка отступая*). Гм. Да. Симпатичная курочка. Но вы ее поберегите. Пусть ее ваша мама кушает. А мужу вашему мы достанем что-нибудь другое. Пожалуй, я вам выпишу пропуск в наш спецбуфет. Там иногда кое-что бывает. Возьмите ему колбаски, пивка... Он пиво любит?

ЛАРИСА. Да, конечно. Но все-таки я боюсь. Сеня такой гордый, такой непреклонный.

ЗАЩИТНИК. Знаю, знаю. И, поверьте, уважаю его за это. Но вы попробуйте, поговорите, а мы со своей стороны тоже попробуем как-нибудь на него повлиять.

Затемнение. Лариса и Защитник исчезают. На сцену вывозят клетку, в которой сидят Подоплеков и Наседка. Подоплеков хлебает баланду, а Наседка, вцепившись руками в прутья клетки, смотрит куда-то вдаль.

ПОДОПЛЕКОВ (*отодвигая миску*). Нет, не могу я есть эту баланду. У меня же гастрит, изжога. Неужели человеку даже в последние дни его жизни нельзя дать чего-нибудь съедобного?

НАСЕДКА (*насмешливо*). Да, безобразие. Могли бы доставить из ресторана шашлык по-карски и бокал холодного грузинского вина.

ПОДОПЛЕКОВ. Ладно, нашел место для шуток.

НАСЕДКА. А я не шучу. Раньше приговоренного хотя бы спрашивали о последнем желании. Чего он хочет. Выкурить гаванскую сигару или переспать с женщиной. А потом выводили во двор, читали приговор, молитву, завязывали глаза. Причем, ты мог отказаться и встретить смерть с открытыми глазами.

ПОДОПЛЕКОВ. Да, да, я именно так и сделаю. Я откажусь завязывать глаза и я скажу... я что-нибудь им скажу.

НАСЕДКА. Да что ты! Ничего не скажешь.

ПОДОПЛЕКОВ. Почему это не скажу? Обязательно скажу.

НАСЕДКА. Да не успеешь ты ничего сказать. Сейчас это совсем не так делают, сейчас просто входят в камеру...

ПОДОПЛЕКОВ. Не хочу, не хочу, не хочу ничего слушать!
(*Затыкает уши, но неплотно.*)

НАСЕДКА. Стыдно, Подоплеков. Стыдно прятать голову, как страус. Надо до конца оставаться мужчиной. Так вот, входят в камеру вертухай с черным мешком...

ПОДОПЛЕКОВ. Это зачем еще черный мешок?

НАСЕДКА. На голову надевают.

ПОДОПЛЕКОВ. Не желаю никакого черного мешка. Я хочу с открытыми глазами...

НАСЕДКА. Ага, они тебя спросят. Они мешок на голову,

руки скрутят и в соседнюю камеру. А там пол к середине покатый, а в середине дырка.

ПОДОПЛЕКОВ. Зачем дырка?

НАСЕДКА. Для стока крови.

ПОДОПЛЕКОВ (*затыкает уши*). Не хочу слушать!

НАСЕДКА. А ты ничего и не услышишь. Мешок на голову, голову к дырке, ба-бах, и все.

ПОДОПЛЕКОВ. Не надо, не надо мне этого рассказывать. Я боюсь.

Подоплеков, дрожа от страха, забивается в угол. Слышен ужасающий скрежет ключа. В камеру врываются Горелкин и Юрченко с черным мешком. Кидаются к Подоплекову.

ПОДОПЛЕКОВ. Не надо! Я не хочу! Я боюсь!

ГОРЕЛКИН (*Юрченко*). Да не того берешь! Этого надо.

4

Оставив Подоплекова, милиционеры вмиг скручивают Наседку и в черном мешке выволакивают из клетки. Подтаскивают к Защитнику, который сидит в отдалении за столом. Отпускают руки, снимают мешок.

НАСЕДКА. Надо же костоломы какие! Так же и руки можно вывернуть. (*Докладывает Защитнику.*) Так что все сделал, как вы велели.

ЗАЩИТНИК. Ага, поговорили?

НАСЕДКА. Поговорил. Дрожит, как осиновый лист. На все готов.

ЗАЩИТНИК. Ну и хорошо. Объявляю вам благодарность.

НАСЕДКА. Рад стараться.

ЗАЩИТНИК. Вы свободны.

НАСЕДКА. Слушаюсь! (*Уходит.*)

ЗАЩИТНИК (*Горелкину*). Теперь пригласите жену.

Горелкин выходит, возвращается с Ларисой. Она с сумкой.

ЗАЩИТНИК. Ну что, Лариса Павловна, принесли? Очень хорошо. Надеюсь, там, в буфете, неплохие продукты?

ЛАРИСА. Да уж продукты, ничего не скажешь.

ЗАЩИТНИК. Это нам за вредность такие дают, Лариса Павловна. Ну что ж. Сейчас вам будет предоставлено свидание с мужем. Возможно, он покажется вам немного нервным. Ничего не поделаешь, переволновался. Как ни говорите, а здесь не курорт. Да, а продукты, между прочим, лучше переложить в этот мешочек.

ЛАРИСА. Зачем? У меня сумка хорошая.

ЗАЩИТНИК. Порядок, Лариса Павловна. Некоторые жены в таких сумках норовят пронести что-нибудь недозволенное. Иногда в подкладках прячут даже бритвочки или мышьячок. Подержите! *(Пересыпает содержимое сумки в мешок.)* Ну, вот и хорошо. Пожалуйста, Лариса Павловна!

5

Распахивает перед ней дверь клетки. Лариса входит. Защитник запирает дверь. Остается снаружи подслушивать. Подоплеков, не замечая Ларисы, видит только черный мешок, забивается в угол, заслоняется руками.

ПОДОПЛЕКОВ *(кричит)*. Нет! Нет! Нет! Не хочу!

ЛАРИСА *(растерянно)*. Сеня, что с тобой? Это же я, Лариса.

ПОДОПЛЕКОВ. Лариса? *(Открывает глаза.)* Лариса. Значит, все уже позади? Все кончено?

ЛАРИСА. Сеня, что ты говоришь? Что кончено?

ПОДОПЛЕКОВ. Да, он правильно говорил. Это оказалось не так уж страшно. А теперь я чувствую такой подъем! Такую необыкновенную легкость! *(Ларисе.)* Слушай, а ты почему здесь? Разве ты умерла раньше меня? Но ведь когда меня забирали, ты была еще живая.

ЛАРИСА (*обнимает его*). Сеня, бедный ты заболел. Ты заболел! Ну, ничего. Ничего! Это неважно. Я тебя вылечу. Ты знаешь, как я о тебе беспокоилась. Даже вот курить начала.

Лариса достает сигарету, чиркает спичкой.

ПОДОПЛЕКОВ. Ой!

ЛАРИСА. Что с тобой, Сеня?

ПОДОПЛЕКОВ. Что ты спичками так чиркаешь неосторожно. Сера отлетела. Больно. (*Озаренный догадкой.*) Слушай, а раз больно, значит, я жив? Жив?

ЛАРИСА. Ну конечно, ты жив. Ты нездоров, но ты жив.

ПОДОПЛЕКОВ. Какой ужас!

ЛАРИСА. Сеня, но почему же ужас? Ведь жизнь так хороша! Жить, дышать, любить, что может быть прекраснее этого?

ПОДОПЛЕКОВ. Жить прекрасно? Прекрасно сидеть в клетке, жрать баланду и ждать, когда к тебе придут с черным мешком? Прекрасно, когда тебя... (*Замечает в руках Ларисы черный мешок. Истерически.*) Почему у тебя в руках этот мешок?

ЛАРИСА. Этот мешок? Это тебе передача. Вот цыпленок, колбаса краковская...

ПОДОПЛЕКОВ. Краковская? Надо же! Неужели еще на свете бывает краковская колбаса? Я даже забыл, как она пахнет? Где ты ее достала?

ЛАРИСА. Защитник разрешил купить для тебя в спецбуфете. И вот еще хлеб, сыр, чеснок и пиво. Хочешь пивка?

ПОДОПЛЕКОВ. Пивка? Это все тоже для меня из спецбуфета? А, понимаю. Это последнее желание.

ЛАРИСА. Между прочим, защитник просил... Я даже не знаю, как тебе это сказать... Я знаю, ты такой гордый и непреклонный... Но подумай обо мне и о наших детях...

ПОДОПЛЕКОВ (*вгрызаясь в колбасу*). Детям я уже ничем не смогу помочь. Но ты должна им сказать, что их отец был человеком честным, порядочным, хотя и не очень умным.

ЛАРИСА. Что значит был, Сеня? Ты был и есть, и еще не все потеряно. Защитник сказал... Ты знаешь всему этому цену.

Защитник просит, чтобы ты, если можно, немножко в чем-то признался, покаялся, кого-нибудь осудил и тебя простят.

ПОДОПЛЕКОВ. Простят? То есть не расстреляют?

ЛАРИСА. Ну конечно же, не расстреляют.

ПОДОПЛЕКОВ. Гм. И защитник прислал мне колбасу, чеснок, пиво только для того, чтобы я покаялся?

ЛАРИСА. Сеня, я знаю, ты такой гордый, такой непреклонный, но...

ПОДОПЛЕКОВ *(начинает смеяться. Сначала тихо, потом громче, до истерики, выдавливая сквозь смех отдельные слова)*. Мне? Краковскую? Пиво? Чтобы покаялся? Дураки!

ЛАРИСА. Сеня, я понимаю, цена слишком велика.

ПОДОПЛЕКОВ. Конечно, велика. Да я не то, что за пиво или за колбасу, я готов и задаром. Я жить хочу.

6

Защитник подслушивал все это время. Теперь он выходит на авансцену.

ЗАЩИТНИК *(обращаясь к публике)*. Наш процесс подходит к концу. Осужденный Подоплеков... *(Шум за кулисами.)* Что там за шум?

Горелкин подбегает и что-то шепчет Защитнику на ухо.

ЗАЩИТНИК. Оказывается, там иностранные корреспонденты. Жалуются, что мы не пускаем их на процесс. Разве мы не пускаем? *(Горелкину.)* Пусть входят. *(Два корреспондента с блокнотами, фотоаппаратами, микрофонами и телекамерой.)* У нас процесс открытый, а это значит, что присутствовать на нем может каждый желающий. Господа, пожалуйста, не шумите! *(Пауза.)* Так вот, осужденный Подоплеков обдумал свое поведение и нашел в себе мужество правильно и нелицеприятно оценить свою прошлую преступную дея-

тельность и просит дать ему возможность публично высказать свои мысли. Руководствуясь гуманными принципами, мы решили предоставить ему такую возможность. Я попрошу доставить сюда подсудимого.

7

Высвечивается клетка.

ПОДОПЛЕКОВ (*запивая колбасу пивом*). Надо же! Неужели они отменят приговор! И даже выпустят на свободу? Трудно даже себе представить! Как я счастлив! Как я безумно счастлив! Я буду жить, дышать воздухом, пить жигулевское пиво. Может быть, иногда даже с воблой. Слушай, а что там воблы не было?

ЛАРИСА. Где?

ПОДОПЛЕКОВ. Ну в этом самом специальном буфете.

ЛАРИСА (*растерянно*). Я что-то не заметила.

ПОДОПЛЕКОВ. Ты скажи защитнику, пусть следующий раз воблу передаст, а то я могу и отказаться.

ЛАРИСА. Хорошо, я скажу. Я понимаю, Сеня, каяться так трудно, так неприятно. Придется пережить неприятные моменты. Некоторым покаяние твое не понравится.

ПОДОПЛЕКОВ. Плевал я на некоторых.

ЛАРИСА. Может быть, некоторые даже перестанут подавать руку.

ПОДОПЛЕКОВ. Плевал я на их руки.

ЛАРИСА. Может быть, даже кто-нибудь плюнет тебе в лицо.

ПОДОПЛЕКОВ. Плюнет в лицо? Так это же прекрасно!

ЛАРИСА. Что же тут прекрасного, Сеня?

ПОДОПЛЕКОВ. Разве ты не понимаешь? Ну вот плюнь мне в лицо.

ЛАРИСА. Зачем?

ПОДОПЛЕКОВ. Ну, плюнь, плюнь, не стесняйся.

ЛАРИСА. Ну, пожалуйста. (*Плюет.*)

ПОДОПЛЕКОВ (*утираясь*). Вот и прекрасно. Вот и замечательно. Я ощущаю шлевок, значит, я существую. Значит, я жив. (*Ходит по клетке, декламируя.*) Подоплеков и теперь живее всех живых, наше знамя, сила и оружие!

ЛАРИСА. Я очень рада, что ты согласился принять такое мужественное, такое самоотверженное решение. А то, понимаешь, они там, на Западе, просто с ума посходили. И Голос Америки, и Би-Би-Си, и Свобода, на какую станцию ни наклеишься, все бубнят: Подоплеков, Подоплеков...

ПОДОПЛЕКОВ. Подожди, подожди. Ты что это говоришь? Какой голос, какое Би-Би-Си, какая свобода? Они обо мне, что ли, говорят?

ЛАРИСА. Мало того, что говорят. Так еще комитеты какие-то там создают. А этот... президент американский... как его... Рейган. Так он... Ну что ему? Зачем ему в чужие дела мешаться? Я восхищаюсь, говорит, мужеством таких людей, как Подоплеков.

ПОДОПЛЕКОВ. Как Подоплеков? Слушай, погоди. Что ты такое городишь? Ты говоришь, Рейган говорил обо мне?

ЛАРИСА. Ну, конечно, о тебе.

ПОДОПЛЕКОВ. Так прямо и сказал: Подоплеков?

ЛАРИСА. Да, к сожалению, прямо так и сказал.

ПОДОПЛЕКОВ. Надо же! Президент Рейган знает, что есть такой человек Подоплеков.

ЛАРИСА. Ну что тут такого? Ты же знаешь, что есть такой человек Рейган!

ПОДОПЛЕКОВ. Глупая курица! Ты что говоришь? Ты знаешь, кто такой Рейган? Рейган — президент Соединенных Штатов Америки. Его знают все. А он всех знать не обязан. Надо же как повезло! Надо же как взлетел Подоплеков! Надо же какое счастье!

ЛАРИСА. Сенечка, милый. Да какое же это счастье сидеть в клетке?

ПОДОПЛЕКОВ. Глупая женщина! У тебя мозг, как грецкий орех. Да если бы я не сидел в клетке, так президент, может быть, и не знал бы, что есть Подоплеков. Да если бы я не сидел, ему бы сказали Подоплеков, а он спросил бы, кто

это Подошлеков? А теперь он не спрашивает, теперь он сам говорит: Подошлеков.

Подошлеков хватает мешок, сметает в него остатки еды, кидает туда же пустую бутылку.

ЛАРИСА. Сеня, что ты делаешь?

ПОДОПЛЕКОВ. Дураки! Идиоты! Кретины! На что они рассчитывали? Неужели они думали, что Подошлеков за эту колбасу, за это пиво, да хотя бы даже и за воблу продаст свою бессмертную душу! Пожертвует своим добрым именем!

8

Тем временем клетку вывозят на авансцену. Лариса незаметно исчезает.

ЗАЩИТНИК. Как известно, в последнее время на Западе поднята новая оголтелая истерия по поводу якобы нарушения у нас так называемых прав человека. Поводом для этой разнузданной кампании явился арест некоего Подошлекова, совершившего тяжкие преступления. Однако впоследствии Подошлеков осознал всю преступность своей прежней деятельности и нашел в себе мужество решительно ее осудить. Пожалуйста, Подошлеков.

Корреспонденты выскакивают на сцену, суют в клетку микрофоны, придвигают камеру телевидения. Вспыхивают блицы фотоаппарата.

ЗАЩИТНИК (как бы ведя пресс-конференцию). Скажите, Подошлеков, до вашего ареста вы враждебно относились к нашей системе?

ПОДОПЛЕКОВ. Да я даже не знаю. Трудно сказать. Вообще-то говоря, хотя я и относился враждебно, но при этом я этого даже как бы не сознавал.

ЗАЩИТНИК (*пытаясь направить Подоплекова*). Но в чем-то конкретном выражалось же это ваше неприятие нашего образа жизни, вашего враждебного к нему отношения?

ПОДОПЛЕКОВ. Да, да, конечно, выражалось, но как-то так неясно, я бы сказал, выражалось. Просто, когда я выходил на улицу и видел все эти красные лозунги и транспаранты, и вот эти портреты, мне было в общем как-то противно. И когда я сидел на собраниях и слушал всякие речи, мне было в общем как-то противно, и когда я видел по телевизору всякие съезды, когда кто-нибудь что-то скучное и длинное такое говорит, а все хлопают, мне было в общем как-то противно, и я старался смотреть только хоккей или фигурное, что ли, катание, хотя иногда тоже было в общем как-то противно.

ЗАЩИТНИК (*несколько обеспокоен*). Но теперь вы осознали, что вы были неправы?

ПОДОПЛЕКОВ. Да, конечно, теперь, после того, как это случилось, у меня было время, я подумал, я понял, что был неправ.

ЗАЩИТНИК. Говорите, Подоплеков, говорите. Записывайте, господа. Вы, господин... у вас микрофон далеко. Вы поближе его, поближе, а то вашим радиослушателям не будет слышно.

ПОДОПЛЕКОВ. И я подумал, что раньше я был очень пассивен. Как все. И когда кого-то брали, я думал, это не мое дело, мое дело чертить свои чертежи, спать с женой и смотреть хоккей. А потом, когда меня взяли, я смотрел в зал и ждал, что же будет. Но ничего не случилось. Но ведь сегодня меня, а завтра другого, а послезавтра третьего, а мы все вместе и каждый по отдельности будем смотреть и говорить, это не мое дело, а они всех нас и будут душить по одиночке. И я понял, что так дальше жить невозможно, я решил, что надо бороться и я буду бороться...

ЗАЩИТНИК. Подоплеков, подумайте, что вы говорите!

КРИКИ. Он с ума сошел! Провокация! Остановите его! Милиция!

ПОДОПЛЕКОВ (*заглушая остальные голоса*). И я буду бо-

роться с этой системой до последней минуты, до последнего вдоха. Меня хотели купить колбасой. (*Швыряет мешок на сцену.*) Но Подоплеков свою бессмертную душу на кусок колбасы не меняет!

КРИКИ. Уберите его! Уберите из зала корреспондентов!

Милиционеры и охранники толкают клетку в глубь сцены.

ПОДОПЛЕКОВ (*удаляясь, простирает руки сквозь решетку*). Я продолжаю борьбу до конца! Лучше умереть стоя, чем жить на коленях! Я объявляю смертельную голодовку! Передайте президенту Рейгану, что Подоплеков погибает, но не сдастся! Передайте премьер-министру Маргарет Тетчер, передайте канцлеру Колю, передайте императору Хирохито и всему прогрессивному человечеству...

КРИКИ. Погасите свет! Вызовите милицию!

Гаснет свет. Слышна трель милицейских свистков. Затем нарастающий звук сирены, шуршание шин, шум борьбы, блеск мигалки. Шум внезапно стихает, и в темноте слышен тихий и чистый голос Барда:

— Зачем зацветаешь? —

Спросили цветок.

Ответил:

— Затем, чтобы цвести.

— Но есть ли в цветеньи какой-нибудь прок?

Ответил:

— Наверное, есть...

Голос Барда постепенно стихает, звуки аккомпанемента, напротив, усиливаются. В конце слышна только музыка.

Вспыхивает свет. На сцене, понуриив головы, стоят все участники спектакля.

КОНЕЦ